

АРИЯ ТЕС

Душа
для
СИНЕЙ
БОРОДЫ

Ария Тес

Душа для Синей бороды

<https://litres.ru/74490257>

Аннотация

На что ты готов ради самого родного человека? На все. Прописная истина, мне известная не понаслышке. Так и есть. Когда, прознав про мои способности, ко мне приходит незнакомец и показывает отрывок своего прошлого, я хочу сбежать. Но когда следует предложение — понимаю: на него невозможно ответить отказом. Только куда меня приведет желание вылечить больного отца? Есть ли у «Синей бороды» душа? И существует ли он на самом деле, или его образ — дело рук «писателей» со стороны? В тексте присутствует: - Плавное развитие отношений; - Влиятельные семьи; - Уклон в мистику - Попытка разобраться в себе

Содержание

Глава 1. Ширма	4
Глава 2. Да. Другого варианта никогда и не было	23
Глава 3. Сделка с Синей бородой	36
Глава 4. Установки	50
Глава 5. Мощь	69
Глава 6. Больше	84
Глава 7. Удачная попытка	106
Глава 8. Четвертая жена	123
Глава 9. О прощании и прощении	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Глава 1. Ширма

Я вздрагиваю, когда слышу объемный, «пухлый» раскат грома, который словно продолжает перекатываться на моем языке, пока смотрю в свое небольшое окошко.

Надо бы его помыть. Когда-нибудь.

У меня так много разных забот, что я, бывало, забываю волосы расчесать, куда там об окнах думать? Ну правда. Работают круглыми сутками, и, черт возьми, как же я устала...

Медленно встаю с узкой кровати, а будто вообще не спала. Тело ломит. Вчера на подработке я, кажется, переоценила свои возможности. А вообще, это достаточно забавно — мою окна и убираюсь в офисах, а в своем доме некогда. Эх...а надо.

Будильник продолжает противно пищать и бить по мозгам, и я брезгливо смотрю на свой старый телефон, цыкаю и тянусь к экрану. Все. Тишина. Благословенная тишина! Аллилуйя! Теперь пора собираться.

Итак. Меня зовут Астрид, и мне двадцать шесть. Я — медиум. Ой, нет, что сказала? Глупость. Психолог. Я — психолог. Серьезно повторяю это несколько раз, глядя на свое отражение, пока чищу зубы, потом киваю, сплевываю белую, мятную пасту и умываюсь.

Но, вообще-то, это правда. Я про первое свое определение — у меня действительно есть способности. Я уже и не пом-

ню, когда «увидела» что-то потустороннее впервые в жизни, но хорошо помню, когда это ощущение «чего-то сильного внутри» утратилось. Похожая погода была — ливень, только время суток другое — ночь. В тот день я в последний раз видела мамочку живой.

С нежностью смотрю на ее фотографию и оставляю поцелуй, перенесенный с кончиков указательного и среднего пальцев прямо на ее изображение. Маму я люблю безумно! Она была художницей. Очень талантливой. В Москве ее картины выставлялись даже и были популярны. Сейчас от всего этого не осталось и следа, конечно, пришлось продать. Из-за папы.

Нет, он у меня не алкаш, как это часто бывает, наоборот. Папа у меня — золото. Когда мамы не стало, мне было всего тринадцать. Представьте, каково это — остаться одному с подростком, да еще и девочкой со «странностями»? Сложно. А человеку, как он, тем более. Папа в мои силы не верил никогда, он у меня полицейский. Им бы лишь вещественных улик нарыть, а в такие вещи они никогда не верят. Ну точнее, до той ужасной ночи. После все изменилось. Нет, он меня за мои «сказки», как говорил раньше, не ругал и не корил, однако лишь когда забирал меня из больницы, поверил раз и навсегда. Потому что глаза мои изменились. Теперь на дне голубых «озер», «как у мамы», остался отпечаток чего-то холодного. Смерти, наверно. Я ведь видела, что она умрет, и видела, как умирает.

Ужасно.

От воспоминаний меня дико передергивает, но вместо того, чтобы поддаться призракам прошлого, я натягиваю колготки, затем юбку, а затем уже свитер. Сегодня в Москве холодно, а болеть мне — не вариант. Нам с папой очень нужны деньги — он болеет. Серьезно. Ему нужна новая почка, после последней стычки на работе.

Этот вечер я тоже помню, и от него меня триггерит не меньше. Я тогда доучивалась как раз в университете, и, после долгого «поедания» гранита науки, вырубилась на диване. А разбудила меня мама...

« - Астри, звездочка моя, просыпайся... Папе нужна твоя помощь»

Я чувствую ее дыхание у своего уха до сих пор, и запах духов чувствую. В тот вечер она спасла папу, буквально вырвала его из рук смерти, потому что направляла меня. Я его нашла. Точнее, мама.

Она привела меня точно к тому подвалу, куда его скинули условные «бандиты», но, к сожалению, в жизни не бывает сказок и чудесных спасений. Папу удалось вырвать из лап старухи с косой, только вот не полностью. Одна его почка была деформирована при рождении, а вторую проткнул железный прут, на который он упал.

Так я узнала страшное слово «диализ». Так я поселилась на больничных койках. Так я забросила свою мечту «помогать» людям, и так я пришла к обману.

К сожалению, лечение у нас очень дорогое. Несмотря на все возможные льготы и субсидии, ежемесячно я трачу почти все деньги на его лекарства. Папа больше не может работать, но ему приходит хорошая пенсия — на то и живем. Вот как-то так. Ночью я мою офисы, а днем «гадаю на камнях».

Нет, я бы не сказала, что обманываю своих клиентов, я ведь правда вижу! Снимаю небольшой офис у своей подруги, которая сдает мне его по совершенно смехотворной цене для Москвы, а все равно бьет по карману не хило так. Счетов слишком много, и иногда мне кажется, что я утону.

Но, выходя из комнаты, нежно улыбаюсь. Папа уже проснулся и готовит мне завтрак, а его расстраивать я не хочу. Никогда не жалуясь. Ему это ни к чему. Он у меня слишком много и часто винит себя во всех бедах...

- Моя звездочка, проснулась? - ласково спрашивает, улыбается.

А я чувствую, что ему больно. Ему всегда больно. Физически и, к сожалению, морально. Мамину смерть он так и не пережил, а я не смогла забрать у него всю память о ней — остался один «Рассвет». Картина, написанная на их медовый месяц. Висит теперь над его кроватью и напоминает: она действительно была. Она не сказка. Она тебя любила. Я же тому подтверждение.

- Астри, ты опять это делаешь...

Да, об этом. У нас в доме действует негласное правило: я не читаю ни чувства его, ни воспоминания, не смотрю сны.

Понимаю, это бесит. Я правда понимаю. Представьте, что в вашей голове кто-то роется без вашего спроса? Иногда ведь что-то «личное» должно остаться личным.

- Прости, иногда не получается сдержаться.

На миг закрываю глаза и выключаю тумблер. Умею ведь. Я давно научилась управлять своим «даром» или своим «проклятием». Это ведь, если честно, два понятия, которые идут рука об руку. Я не всегда могу определить, к какому склоняюсь больше.

- Как тебе спалось?

- Прекрасно, малышка. Снились такие яркие сны...

А мне плохие. Во сне рядом с папой стояла темная фигура, и я знаю, что это означает. С мамой перед ее смертью стояла такая же, а это значит...

Ох, нет, нельзя думать о таком. Папа только сдал анализы, все будет хорошо! Будет! Он не может умереть!

- Астри, ты меня слушаешь?

Проглатываю здоровый кусок яичницы и улыбаюсь. Стараюсь скрыть грусть, и, надеюсь, у меня это получается.

- Прости, задумалась.

- Ничего, звездочка моя, ты сегодня опять работаешь в ночь?

- Да.

Папа сразу сникает и отворачивается. Ему сложно дается это. Сложно, правда. Он привык содержать семью, а тут вынужден «сидеть на моей шее». Я так не считаю, конечно, он

— да. И это бесит. Меня многое бесит в нашей жизни начиная с тех злосчастных ублюдков-грабителей. Обнесли какое-то казино, бежали, а он по долгу службы встал наперекор. Я понимаю, что не мог иначе, но иногда думаю, ну зачем ты это сделал?! Папа был старшим следователем и давно не ловил «активно» преступников, а привычка — вторая натура. Ну и как-то так теперь...

Ладно, жалеть себя не хочу, поэтому кладу руку на его и слегка сжимаю. Шепчу.

- Когда из больницы сегодня приедешь, пожалуйста, приготовь мне свои фирменные отбивные. Можно?

- Конечно, доченька.

- Спасибо. И за завтрак тоже, очень вкусно. Я побежала, - оставляю мягкий поцелуй на щеке и улыбаюсь, - Я тебя очень люблю, не шали мне тут!

Папа смеется. Болезнь многое у него отняла, но этот смех...волшебный, веселый и такой ласковый, мягкий смех — никогда не сможет.

До своего «кабинета» я добираюсь быстро. Он у меня достаточно просторный, кстати, спасибо Любе. Она училась со мной, правда, «по блату», но девчонка классная, несмотря на то, что из очень богатой семьи. Нет в ней этого, знаете? Как часто бывает. Капризов там или стойкого ощущения «будто мне все должны». Она обычная. Наверно, все дело в ее маме.

Отец ее познакомился с ней в библиотеке. Сам — привилегированный до мозга костей, а жена — обычный библиотекарь. Зашел за книгой, а вышел с любовью на маленьком листочке в виде ее номера телефона. Бывает же так, да? У меня с отношениями не клеится. Всему виной опять же «дар/проклятие». В этом случае, конечно, скорее второе. Почему? Вот представьте. Ты встречаешься с кем-то, влюбляешься, и все хорошо, а потом ты случайно забываешь про тумблер и все. Просто карточный домик, который от одного «дуновения» разрушается.

У меня подобных крахов было три. Первый — мой одноклассник, но там так. Скорее в шутку, по-детски. Он знал о моих способностях, но не верил, а однажды я прочитала в его голове мысль наподобие:

«Нет, зачем мне нужна эта чокнутая?!...»

И это меня сразу отвернуло. Да, возможно, и чокнутая, возможно, он подумал так «в запале», а мне тогда показалось, что мысль эта подкреплена «вещественным». Ну... то есть прямо железобетонное: он-никогда-меня-не-примет. И я его не виню. Парень был неплохой, сейчас женат и вроде как счастлив.

Со вторым я познакомилась в кофейне, и этот роман был уже серьезней. Мы встречались почти два года, жить вместе собирались, и он, в отличие от первого, принимал мой «дар/проклятие», ему он даже нравился, но... Всегда бывает «но». Он любил быструю, опасную езду, и однажды я увидела, чем

могут кончаться подобные игры. Это был второй раз, когда тень приходила ко мне. Помню, как вчера, что я проснулась в истерике, а потом долго умоляла его бросить. Нет.

Нет и точка, не обсуждается!

Дословно, кстати. И тоже железобетонно.

«Я тебя принимаю полностью, а ты меня нет!» - кричал он, и как бы я ни старалась объяснить, что он не проживет и пяти лет, не слушал.

А я поняла, что для меня это «слишком». Каждый раз, когда я на него смотрела, передо мной стояла мама — и кровь в том же месте на правом виске, и безжизненные глаза... Второй раз увидеть тень не так страшно, как второй раз пережить то же самое. Мы расстались. Год назад он погиб в страшной аварии. Теперь я всегда буду винить себя за то, что не сделала «больше», даже если разумом понимаю — не смогла бы. Парень он был упертый. Таких еще называют «упертый, как бык» — это про него. Но сердцу такое не объяснишь...

Третий мой роман закончился относительно недавно, и это был самый печальный опыт. Я до сих пор нет-нет, а поплачу тихонько в своей комнатухе, потому что именно в третий раз мое сердце разбили вдребезги.

Иногда я думаю, что это — карма. Я бросила своего второго и разбила сердце ему. Мне тоже было сложно, но он сильнее переживал. Потом встретил девчонку, конечно, а все равно... Я часто видела, как он смотрит мой профиль, да и

после смерти он ко мне приходил. Не винил, сожалел скорее, и что забавно и примечательно, грозился «надрать задницу» моему третьему. Даже из могилы.

Было бы кстати.

С ним я познакомилась в клубе, и он был музыкантом. Роман у нас был «быстрый» и очень страстный — мне, как голову снесло. Я влюбилась в него по уши и будто по щелчку пальцев, а потом... Вспоминать это действительно сложно, да и кому бы ни было? Представьте, прямо в постели во время секса, когда вы забываете обо всех рамках и тем более не думаете о тумблерах — БАХ! И порнофильм с участием твоего «любимого» и его менеджера-Карины.

Это было больно. Даже не так. Мне как будто разрезали грудину и прямо на сердце вылили раскаленную магму. Без наркоза.

После этого мы расстались сразу. Я не могла больше на него смотреть, ведь каждый раз видела чужие руки, губы и стоны. Как на репите: снова-и-снова-опять-и-опять.

Слишком много.

После этого на карьере «в любовной сфере» я поставила точку. Жирную такую. Обычным девушкам сложно найти себе мужчину, а кому-то с «даром/проклятьем» тем более. Где встречают и смелых, и сильных, умных, интересных, в меру упертых, но лояльных мужчин? А главное, верных? Наверно, только в сказке. Так зачем тратить свое время? Я не знаю. У меня слишком много других проблем, а секс... Нет, мне

его недостает, конечно, но и мне и мороженого недостает, которое я просто обожаю, но от которого меня разносит по щелчку пальцев. Обошлась без него, обойдусь и без всяких этих охов-вздохов. Для меня любовь жива только на полотне-Рассвете моей мамы, в глазах папы и между родителями Любы. Все.

А. И между нами с Любой тоже. Это да, правда, любовь эта другого рода — дружбой зовется. У нас с любой крепкие, постоянные отношения — она моя лучшая подруга! На самом деле, она меня часто вытаскивала. То денег подкинет, то с папой поможет. Ее отец как раз и выбил для моего почти все злосчастные льготы и субсидии, где-то еще помог папин начальник, конечно, но в основном дядя Вова. Я ему благодарна.

Ох, ладно, окунулась что-то с головой. Надо открывать кабинет, меня ведь ждет непростой день.

Работаю я в основном, как гадалка. К сожалению, окончить университет так и не вышло, поэтому психологом я называюсь исключительно в своей голове, а так... что так? Перебираю камушки. Был вариант раскладывать Таро, но, если честно, не нравятся мне карты, да и слишком в этих гаданиях много нюансов. В камушках просто. Раскидываешь и делаешь вид, что по ним что-то там «читаешь». С моим «даром/проклятием» в этом нужды нет — я и так все слышу и вижу, но для эффектности нужна ширма. Да и люди пугаются сильно, сразу закрываются, если я работаю, как привыкла.

То есть «голая» и без «атрибутики». Когда люди пугаются — это плохо. Страх здорово сбивает все настройки, так что надо и об этом думать.

А еще о себе и своей безопасности. Я лично ни с кем не вижуь никогда. Мои клиенты приходят и садятся за стол, а меня от них отделяет ширма. Все из-за того случая, когда у меня были проблемы со сталкером. Я тогда только начала и ко мне записался молодой парень, пришел. Принимала я тоже лично по дурости, а он больным оказался. Я это сразу поняла: по-настоящему сумасшедших считать сложно. В их голове все идет рябью и искажается, только благодаря призракам за его спиной я поняла: беги, Астрид, просто беги! Он-то оказался маньяком. Нет, это выяснилось не сразу, опять же: сложно считать. Потом только... Примерно через месяц после нашего сеанса во сне ко мне пришла девушка и все рассказала. И что он убил ее, и что за мной следит, и что я следующая.

Я так испугалась...папе пришлось подключать все свои связи, а когда его взяли — все оказалось правдой. Не знаю, почему он так тянул? Но спасибо ему за это, иначе я бы уже не дышала.

Но сложности моей работы на этом не заканчиваются. Все люди, как снежинки, разные. Бывают «открытые книги!», а бывают «заваленные пещеры». Иногда пробиться за их стены настолько сложно, что из меня как будто выкачивают все силы. Это означает, что человек сам по себе настолько за-

крытый, настолько волевой, что просто не пускает — тогда хоть стой, хоть падай. Придется говорить, что я ничего не вижу и выслушивать фырканы и обвинения во лжи. Но я все сношу. Ко мне продолжают ходить, я продолжаю вести сеансы и могу платить за папино лечение.

Сегодня не исключение. Целый день я занимаюсь приемом клиентов и радуюсь. Необычайно жирный для меня день — семеро! Семеро людей!

«Возможно, я даже смогу купить папе какой-нибудь подарок...» - об этом думаю уже вечером, когда как раз собираюсь сворачивать свою деятельность, как вдруг...

Я чувствую это сразу. Смена атмосферы, вибрации в воздухе и такая тяжелая плита энергетики. Густой, как желе, сладко-горькой на вкус, с запахом спелых ягод и коньяка. Она настолько сильная, что, клянусь, я правда чувствую вкус этого коктейля на кончике языка.

Аж дыхание перехватывает...

Шаги тем временем приближаются. Они мерные, спокойные, но за всем этим кроется обоснованная угроза. Человек, мужчина, если точнее, опасен.

Он отодвигает стул, медленно на него опускается, но молчит. Я тоже. Честно? Я так напряжена, что не могу пошевелить ни одним мускулом своего тела, будто меня парализовало, хотя самой дико хочется одного — сбежать как можно быстрее.

Нифига. Сиди.

Он словно мне приказывает, а я словно прогибаюсь. В обычной жизни попробуй мне указывать — пожалеешь, а здесь...

- Закурить можно?

Наконец, говорит, а меня в мурашки. Голос просто потрясающий — глубокий, тихий и спокойный, перекачивается в воздухе, как тот самый гром на кончике моего языка. Неужели знак был? Который я прощелкала? Ну, разумеется... Какие мне знаки читать, если я не спала нормально уже год?!

Корю себя, но что поделать? Знаю ведь. Иногда что-то изменить невозможно, только разве подготовиться...

- Д... - черт, голос подводит, возьми себя в руки! Откашливаюсь и киваю, - Да.

Щелчок. Слышу, как незнакомец щедро затягивается, а в голове одна картинка: широкоплечий мужчина в дорогом, темном пальто поверх не менее дорогого костюма. Сигарета в правой руке, на мизинце которой надет кольцо с синем, ярким камнем. Такой же камень на зажиме для галстука в темную, кажется, полосочку и на запонках. О да! Он из тех мужчин, кто носит запонки, а значит...

- Что я должен делать? - тихо спрашивает, я хмурюсь.

«Уехать из этого района. Такие, как ты, здесь — словно что-то инородное. Что ты здесь забыл?!»

- А что вы хотите узнать? - вместо этого, отвечаю скромно.

И снова. На меня это совсем не похоже, хотя, наверно, все особи ведут себя аккуратно и сдержанно, если перед ними

хищник. Это ведь разумно, инстинкт самосохранения никто не отменял — он первоначальный и, наверно, самый главный инстинкт.

- Расскажите обо мне, что угодно. Что вы видите?

- Например, вы явно заблудились или перепутали районы.

Вам бы на Патриарших кофе пить...

Ох, боже. Что я только что говорила, Астри?! Самосохранение! Не язви! Благо незнакомца это только веселит. Он смеется, а я буквально вижу сквозь плотный полог ширмы, как откидывается на спинку кресла и откидывает голову, выпуская дым носом. Жаль... не видно больше. Внезапно я ловлю себя на мысли, что мне действительно жаль — его лицо скрывает мрак. А смех такой красивый... мелодичный, ласковый, тихий и спокойный... Меня от него бросает в жар. Никогда такого не было, чтобы, не видя мужчину, меня вот так вот штырило. Мда... энергетика его, как лучший, алкогольный коктейль. Безбожно дорогой и безбожно... Нет, на этом все. «Безбожно» — самое емкое слово, которое я могу к нему отнести.

- Хорошее начало. Дальше. Что вам нужно, чтобы увидеть больше? Моя рука? Вещь?

- Я гадаю на камнях, - зачем-то говорю очевидное, а он улыбается.

- На двери написано. И все же?

- Ничего. Тишина, если только.

Потому что я не хочу, чтобы ты трепался своим этим ча-

рующим голосом. Чувствую ведь, что что-то не то. Неправильное есть во всем этом лицедействе. Он — необычный человек. Несмотря на мои скудные возможности, иногда попадаются весьма богатые клиенты, благодаря Любке. У той связи везде, понятное дело, а богатые обожают эзотерику. Мне это только на руку, и рассказывать про какой-то их бред по типу «измен, интриг, расследований» для меня — дело обычное. Я и к ним уже привыкла, но в этот раз...все мои настройки рушатся. С ним что-то не то...И когда я приближаюсь мысленно к его мыслям, понимаю — о да, еще как.

Он словно обнесен высоченной, ледяной стеной, к которой подойти не то что страшно — я не могу этого сделать. Сила его воли настолько огромна, что я, кажется, умру, если сделаю хоть шаг. От одного взгляда меня не хило потряхивает...

- Извините, - тихо говорю, - Но ничего не получится.
- Почему?

Потому что ты — кокон. Чертов кокон!

- Не получается и все.
- Попробуйте еще раз.
- Я же сказала...
- Я настаиваю.

Мужчина подается ко мне ближе, это я тоже ощущаю по вибрациям, которые, в свою очередь, меняются. Они давят. Его энергетика будто вокруг меня, пробралась, пока мы трепались, теперь оплетает со всех сторон точно щупальца и за-

ставляет делать...

И я же делаю. Жмюрюсь, а потом...

Темное помещение, на потолке одна лампочка. Шатается. Она освещает пару грузных фигур, слышу смешки, но смотрю только перед собой. Человек сидит посреди комнаты, привязанный к стулу, избитый и напуганный. Гора мышц в, кажется, белой рубашке возвышается сверху пугающей грозовой тучей.

Тяжелое дыхание, скулеж, какие-то нечленораздельные мольбы — гора отступает. Но не потому, что он на них повелся, дает время, вот и все. На что только?

- Еще раз задам вопрос, - гора говорит, вытирая пальцы о белую тряпку, - Как ты будешь возвращать долг, дружок?

Человек сплевывает кровь. Его трясет, ему страшно, но он смотрит только на гору. Я тоже. Потому что я его узнала — это он. Мой незнакомец...

Меня парализует страх. Я игнорирую тот факт, что очертания «истязаемого» мне знакомы, просто смотрю на широкую спину и не могу пошевелиться. Черт-черт-черт...

- Я...я продам дом и квартиру...

- Они заложены итак. Дальше.

- Я...

- Только не вздумай врать, - рычит, повернувшись в профиль.

Сейчас я вижу его лицо. Ну...как? Наподобие. Мрак все

еще закрывает большую его часть, разве что...Могу отметить, что профиль его «правильный» и резкий. Сильный такой, волевой...а волосы темные. И щетина. Я вижу щетину, обрамляющую выразительные, чувственные губы...

- Я попытаюсь все сделать! Все! Только отпустите меня, умоляю...

- Надо было думать, чем возвращать будешь деньги, когда их брал.

- Знаю...знаю! Я просто...

- Игрок. Понимаю. Я тоже люблю поиграть, но мне всегда есть чем платить по моим счетам и...

- Я знаю! - вдруг кричит человек, - Знаю, что могу дать тебе!

- И что же? - усмехается мой незнакомец, но его лицо натягивается, как маска в следующую секунду, когда слышится шепот.

- Мне известно, чего ты хочешь больше всего. И известно, кто сможет помочь тебе это получить...Ее зовут Астрид, Синяя Борода.

Я резко отъезжаю на стуле, вернувшись в свою реальность. Еле дышу. Незнакомец лениво интересуется:

- Все нормально...Астрид?

Ох, черт! Что...что происходит?! Также резко вскакиваю и смотрю в сторону выхода, но потом лепечу.

- Вам...вам лучше уйти. Сейчас.

- Нет.

Твою...мать!!! Прав был папа, что я доиграюсь...прав! Разворачиваюсь к двери и хочу дернуть к спасительному проему, но из него выходит грузная фигура в черном костюме. Хмурый весь и из себя...и лысый. Он слегка мотает головой, я же готова сознания лишиться на месте. Так и мечусь в своей черепной коробке, как в клетке. Что происходит?!

Ширма тем временем отодвигается. Мне страшно повернуться и столкнуться с ним глазами в реальности, поэтому я стою спиной, но чувствую взгляд этих глаз на себе. Заинтересованный и изучающий...

- Значит, это правда. Вы действительно видите?

- Я...я не...

- Повернитесь. Я не привык разговаривать так.

Сча-а-аз!

- Отпустите меня, я ничего и никому не скажу и...

- Что вы видели?

- Ничего.

- Договоримся сразу, - спокойно и даже мягко говорит он,

- Никакого вранья. Считайте это моим даром — я его вижу и чувствую, и это ненавижу.

Молчу. Кулачки сжимаю и разжимаю, и он молчит. Что за бред?! Что ему от меня нужно?!

- Отпустите меня...

- Не бойтесь, Астрид, - игнорирует мягко, - Я не причиню вам вреда. Мне нужна ваша помощь.

- Вам?! Моя помощь нужна?!

- Меня называют «Синей бородой», потому что у меня было пять жен, и каждая из них мертва. Я их не убивал, но очень хочу знать...кто это сделал.

Астрид. Страстная, звезда. Храбрая, смелая, деятельная, способна решить любую проблему. У носительницы такого имени проявляются экстрасенсорные способности. Обожает семью.

Глава 2. Да. Другого варианта никогда и не было

Молчу. Мне нужно время подумать, но как это сделать, когда перед тобой стоит гора мышц, которая сломает тебе шею в любую секунду, а позади тот, кто в любую секунду отдаст приказ это сделать? Или сам исполнит с удовольствием. Как же я влипла, твою мать! Все говорят: если брать деньги будешь за использование своего дара, тебе обязательно прилетит ответочка с кремом из опаснейшего человека, который может позволить себе все что угодно, поверху. Вишенка на торте — количество его жен. Это ведь только он говорит, что никого из них не убивал! Судя по тому, что я видела — очень сомневаюсь.

- Что вы...я...

- Повернитесь.

Властно. Это внезапно меня раздражает: какого хрена он вообще мне приказывает?! А я почему трушу?! Чему быть, того не миновать, как говорится. Ну или меня настолько сильно взбесила эта его самоуверенность, что я резко повернулась и нахмурилась? Нет, буду считать первый вариант верным, не так жалко и глупо, по крайней мере, звучит. Даже почти гордо и смело — смотрю опасности в лицо и не трушу.

Правильно, не трушу. Потому что мужчина, сидящий в

кресле вдруг вызывает во мне другие чувства. Он красивый. Я этого не ожидала настолько, что как-то теряюсь поначалу, разглядываю его. Густые, темные брови, ухоженная борода, кожа цвета капучино, густые волосы. Он старше меня — ясно сразу. В глазах его плещется океан «мудрости и знаний», их обсыпали тонкие морщинки. Но ему они идут. Я готова признать, что встретить я этого человека на улице (ха-ха, забавно, ну да ладно. Вполне допустимо представить подобное в качестве шутки, например. Вряд ли он ходит по тем же местам, что и я). Мне импонирует и его одежда, которая подчеркивает эту тягучую ленцу, что, в свою очередь, подкрепляется уверенностью в себе. Красивый мужчина, жаль только — убийца.

От него воняет кровью. Ничего не могу с собой сделать, морщусь слегка, он улыбается. Боже, очаровательно... За щекиной кроются две ямочки, которые для меня всегда были и будут личным килограммам изюма в каждом их обладателе. Нет, серьезно. От ямочек я просто без ума.

- Я вам не нравлюсь?

- Нет, - с вызовом отвечаю, складываю руки на груди и вздергиваю носик, - Покиньте мой кабинет.

- Покину, но после того как изложу свое предложение.

- Я отвечу отказом. Вы — убийца.

- Это не мешает делу.

Хорошо хоть не отрицает. Его честность и открытость в данный момент меня подкупает, пусть и глупо это. Чего ему

отрицать, если, как я понимаю, он прекрасно осведомлен о моих возможностях? Чертов придурок на стуле! Как обычно! Мужики делов наворотят, а женщины, даже если не их, отвечают! Как же это, черт возьми, нечестно!

Тем временем Синяя Борода кивает мужчине за моей спиной, а я резко оборачиваюсь на шум. Страшно, конечно! Даже отрицать не буду! Всем было бы страшно, но мне, вроде как, пока точно ничего не угрожает. Громила подносит мне стул, на котором я сидела, ставит напротив условного хозяина и покидает кабинет. Я, конечно, понимаю, что он стоит за дверью с вероятностью в сто процентов, но все равно — приятно. Без него мне как-то легче.

Присаживаюсь, но позу не меняю. Закрытая наглухо: перед таким быть «открытой книгой» себе дороже, а я не дура. Жизнь многому меня научила, так что это действительно так. Своего я не упущу, так что решаю послушать. Да и, ну правда, будто у меня есть другой выход?! Он все равно скажет что хотел. Не буду противиться, и что-то внутри подсказывает: даже к лучшему. Тебе понравится.

Ну что ж. Начинай, господин убийца.

- Говорите. Коротко.

Мое отношение к ситуации, выраженное одним словом, мужчину никак не смущает. Он и бровью не ведет, достает лишь еще одну сигарету, раскуривает и кивает, а потом опускает глаза в пол. Волнуется неужто? Ух ты ж блин! Вот это новости...

- Как я уже сказал — у меня было пять жен. Каждую из них убили...

- Но это были не вы. Где гарантии?

- Вы ясновидящая, вы мне и ответьте.

Долго смотрю ему в глаза, но кроме раздражения на то, как я внезапно его перебила, не вижу ничего. Понятно. Сложно будет.

- Мне не видно.

- Почему?

- Ваша воля блокирует ваше сознание. Полагаю, что то, что я видела — это ваше желание.

- Думаете, я хочу от вас что-то скрыть?

- Кто знает?

- Вполне резонно, только зачем мне лично обращаться за вашей помощью в таком случае?

- Не знаю. Люди — психи. Мне ли не знать, и не вам это отрицать.

- А вы дерзкая.

- Я предпочитаю смелая.

- Или глупая. Иногда все эти качества — одна и та же монета.

- Философия убийцы? Очень интересно. Вам бы книгу написать — будут покупать.

Думаю, что за такую наглость он обычно убивает. Мне же только улыбается и делает еще одну щедрую затяжку, пока я ору в своей голове ультразвуком: ты-что-творишь?! ЧТО

ТЫ ТВОРИШЬ?!

А в следующую секунду мужчина осаждает меня одним только предложением.

- Ваш отец на диализе.

Вся спесь мигом тает. Я хмурюсь, задерживаю дыхание и смотрю на него во все глаза — откуда знает?! Нет, я понимаю «откуда», только зачем?! Зачем он наводил справки?!

- Мне жаль.

- Я...

- Вот как обстоят дела, Астрид: он умирает. Извините, но это так. Вы еще не получили его последние анализы, а мне они известны. Он — ходячий труп.

- Не смейте! Не называйте...

- Детские истерики оставим в стороне. Предложение мое достаточно простое: вы помогаете мне, я вам. Вашему отцу срочно нужна пересадка органа, и он ее получит вне очереди. Я оплачу абсолютно все: лучшую клинику, врачей, сиделку, лекарства, реабилитацию — все. Взамен вы найдете мне того, кто снова и снова делает это со мной.

- Вы думаете, что это как телевизор включить?! - шиплю я от внезапного злого отчаяния, - Но не так все работает! Я не всегда могу контролировать то, что вижу, или то, что мне хотят показать! Вдруг ваши жены будут молчать?! Вдруг это все же вы их убили?! И вообще! С каких пор кто-то вроде вас, верит в...

- Я в отчаянии, - тихо и внезапно перебивает меня, отчего

я замираю.

Также внезапно передо мной предстает другой мужчина. Сломленный, переживший огромный трафик не самых приятных событий. Искренний, одинокий человек, похоронивший пять женщин — если так задуматься, страшно ведь звучит...

- Я устал хоронить своих женщин, Астрид, - продолжает также тихо и глядя мне в глаза, - Вместе с ними я раз за разом хороню свои мечты — это невыносимо. Я хочу ребенка, а все, что по итогу у меня есть — пять крестов. Вы бы на моем месте тоже во всё поверили.

- Вы меня не слышите.

- Слышу и все понимаю, но все равно прошу хотя бы попытаться.

Все. Раскрытие кончилось, а я даже не успела глазком взглянуть на его душу — мужчина поднимается во весь свой исполинский рост, отрешенно поправляет пальто и кивает.

- Думайте, Астрид. Я вернусь завтра, а чтобы показать серьезность своих намерений и правдивость слов: меня зовут Марс Александрович Аппелинский.

Марс?! Ого...какое необычное имя. Ему подходит энергетически: сильное, как его владелец и такое же мощное.

- Прочитайте обо мне в интернете.

- Не бойтесь, Марс Александрович, что я шарлатана? Наберусь информации и буду вам ее выдавать порционно.

- По вашей реакции на собственное имя из моих воспо-

минаний я понял, что нет, - слегка улыбается, потом достает телефон, через миг мой вибрирует, а он коротко добавляет, - За беспокойство. Думайте, решайте и до завтра. Я приеду в это же время.

К сожалению, даже когда он уходит — легче не становится. Энергетика его все еще тут хозяйничает, сколько окно ни открывай, не выветрится и за сто лет. Вздыхаю и подхожу к столику, где у меня стоит графин с водой. Мне она просто необходима. Ах да! Интересно, сколько перевел?!

Ох...какая огромная ошибка была проверять это во время глотка: результат — по стене стекают капли, весь свитер у меня мокрый, а сама я красная, как рак.

Это моя месячная зарплата на подработке! Щедро, однако, за разговор в пятнадцать минут от силы. Видимо, он рассчитывает на то, что я соглашусь.

Фыркаю, отметаю эти мысли и собираюсь домой. Прежде звоню на подработку и говорю, что не выйду — не могу. Он выкачал все мои силы, так что домой я заваливаюсь полумертвая, а в прихожей чувствую — сейчас я стану на сто процентов мертвой.

Потому что энергетика печали и боли висит густым туманом.

Захожу тихо в папину комнату. Он сидит на кресле перед телевизором и...плачет. Знаете...это ужасно. Нет ничего хуже, чем видеть слезы человека, который всегда был самым сильным.

- Папочка! - подскакиваю, падаю на колени перед ним и сжимаю руки, - Почему ты плачешь?! Что случилось?!

- Ох, Астри...прости меня...

Рядом на столике валяется вскрытый конверт с анализами. Ну вот какой гандон догадался отдать их больному человеку?! Обещаю наорать на врача завтра, а сейчас тянусь к приговору на листе А4.

От него веет холодом, а значит, все правда. Мне не нужно читать, я чувствую — правда.

- Астри, мне так жаль... - шепчет папа, мотая головой, - Как же ты будешь одна теперь?

Ох, боже, он еще и за меня переживает?! Злосчастная привычка полицейского — думать о ком-то в первую очередь.

Откладываю «плохие новости» в сторону, ведь мне гораздо больше хочется смотреть в его светлые, голубые глаза, нежели на вердикт врачей.

- Папуль, все будет хорошо.

- Астри...анализы очень плохие. Это значит...

- Все будет хорошо. Давай, я помогу тебе лечь спать. Ты устал.

Отец не сильно сопротивляется. Он правда устал: каждый день, вставая с кровати, это борьба. Он борется, делая шаг, борется, когда делает даже вдох! Что уж говорить о другом...

Я сижу с папой до тех пор, пока он не заснет, а сама знаю, что нужно делать. Стоит выйти из комнаты — делаю. Номера

Аппелинского у меня нет, но есть другой способ выйти на него.

Делаю обратный перевод с номиналом в десять рублей и подписью:

«Мне не нужно время, чтобы решить. Я согласна.»

Ох, боже. Отправила. Надеюсь, что он не сочтет «десять рублей» попыткой его оскорбить, но больше отдать я не готова. Еще чего! Столько стресса натерпелась, а еще нам с папой эти деньги нужнее явно. И так сойдет.

Откидываю телефон на стол, но не успеваю сделать и шага к холодильнику, как раздается звонок.

- Знаете, Астрид, вы весьма элегантны. Вам говорили? - посмеивается, я вспыхиваю, но гордо цежу.

- Да и очень часто.

- Уверен в этом. Что поселило в вас желание протянуть руку помощи убийце?

- Вы знаете, - молчит недолго, потом выдыхает дым.

Много курит. Часто нервничает? Или просто привык? А в трубке неожиданно звучит.

- Мне правда жаль.

- Оставим, но нам нужно обсудить нюансы.

- Не по телефону. Завтра я заеду за вами к десяти утра, нормально? Позже не могу.

Хочется засмеяться. Вот вроде и дает выбор, да? А нет, нихрена! Сразу обозначает границы: либо так, либо гуляй. Ну хорошо.

- Нормально.

- Буду ждать у подъезда. Черный BMW.

- Поздравляю!

Сбрасываю яростно, правда сразу стараюсь успокоиться. Вряд ли он хотел подчеркнуть свой статус дорогой иномаркой, дурасть какая! Так, ладно. Надо будет себя контролировать. И да! Надо обязательно посмотреть всю информацию об этом типе и...

Осекаюсь, когда смотрю на стол. Под прозрачной крышкой горкой лежат поджаренные, фирменный отбивные моего папы. Для меня.

Нет. Не надо. Никакая информация не изменит моих намерений. Сажусь на стул, тянусь к приготовленной еде, а потом закрываю лицо руками и плачу. За долгое время меня прорывает — слишком много эмоций. Слишком много страха. Слишком много горя... Нет таких фактов, которые заставят меня повернуть назад.

Поэтому с утра к десяти я готова, но нервничаю. Папа это сразу замечает. Он опускает теплые ладони мне на плечи, целует в макушку и шепчет:

- Звездочка моя, не грусти и не думай так много. Прорвемся. Я же сильный.

- Знаю, папуль. Все будет хорошо.

Я об этом позабочусь.

Когда спускаюсь, меня действительно ждет черная, наполированная BMW, от которой хочется бежать в обратном на-

правления, но я иду железобетонно. Вспоминаю в этот момент своего второго. Того, кто научил меня стоять на своем — спасибо тебе, где бы ты ни был.

В теплом салоне нет никого. Я в первый момент теряюсь, но водитель сухо сообщает:

- Господин Аппелинский ожидает вас. Он просил извиниться, что не смог забрать вас лично, у него возникли срочные переговоры. Пристегнитесь, пожалуйста, ехать примерно два часа.

Ох! Вы только гляньте какой сервис. Закатываю глаза, но пристегиваюсь — лакей явно не тронет с места, пока этого не сделаю. Ну ладно, мне то что? Всегда пожалуйста. И я даже благодарна за внезапный презент в виде отсутствия этого мужчины — у меня есть время подготовиться.

Я все-таки залезаю в интернет и вбиваю его имя. Знаю, что фактически в этом смысла по-прежнему нет, мне скорее больше любопытно.

Кто он? Чем занимается? За исключением забором душ и употреблением сердец своих жертв. Должна же у него быть официальная профессия! И она действительно есть...

Ох, ладно, не ожидала я такого размаха. Хотя нет, наверно интуитивно это было очевидно, просто я, девчонка с окраины, никогда о таких людях не думала. Для меня они существуют в другом измерении, где-то на уровне восьмидесятого этажа. Примерно так, если не выше.

Оказалось, что «господин Аппелинский» владеет круп-

ной компанией по перевозке грузов. Семейной компании. И как владеет? На данный момент исполняет обязанность «ген директора». Компания вообще принадлежит его семье, а конкретно отцу. Тот отошел от дел, но пока не назначил преемника. Пресса пишет, что с почти стопроцентной вероятностью — это будет он, несмотря на то, что Марс всего лишь средний брат. Его старший брат «не тянет». Это прямая цитата из интервью их отца, кстати. Жестоко так... вот вам и первый подозреваемый. Что может быть хуже обиженного ребенка? Разве что обиженная женщина.

Их у вышеупомянутого господина тоже немало. Марса считают одним из самых завидных холостяков не только России, но и всего мира. Наследие — это плотный капитал за спиной, а деньги всегда привлекают красоток. У Марса было очень много романов, но самые яркие — это его жены. Я мельком пролистываю фотографии разных временных отрывков жизни Синеи Бороды, как его называют без зазрения совести даже таблоиды. Наверно, это обидно. Если ты, конечно, не заслуживаешь такого прозвища.

Интересно...кто же их все-таки убил? Мда...это головоломка достойна мистера Холмса и доктора Ватсона, потому что по факту кандидатов слишком много. К тому же Марс владеет еще одним легальным бизнесом — развлекательным заведением. Клубом по-простому, но клубом закрытого характера. Что там творится — не знает никто. Да, богатые умеют охранять свои тайны, если того хотят. Например, фо-

тографии первой жены нет. Это тоже странно. Зачем ее было удалять? Зачем идти на такие траты? Вы же прекрасно понимаете, что «убрать» что-то из интернета дико сложно. Думаю, что стоило это все много и даже слишком, а упоминается она вскользь. Даже без имени.

Мда...одни загадки.

Ладно, разберемся по ходу пьесы. Я киваю самой себе и убираю телефон, как раз на моменте, когда мы подъезжаем к высокому, стеклянному зданию. Водитель притормаживает у ворот, но лишь на миг — нас почти сразу впускают, а у меня чувство такое странное...будто я попадаю в ад, и самое обидное, что добровольно.

Глава 3. Сделка с Синей бородой

Ох боже, волноваться начинаю... сжимаю и разжимаю руки, поправляю одежду, пока еду в лифте, а потом все. Выпадаю. На самом деле выпала еще на этапе этого треклятого лифта — он шикарней, чем наша двушка раза в миллион. Но этот пентхаус...

Когда-нибудь представляли себе рай для агентов по недвижимости? Наверно, каждый прямо между створками и закончился, дай ему волю, лишь бы попасть сюда — в это царство роскоши. Во-первых, как в крутых фильмах, створки лифта открываются прямо в гостиную. Но вот что примечательно: часто, глядя на подобные квартиры через экран своего старенького ноутбука, принявшего на себя, что только возможно — и ударную волну кока-колы, и не менее травмоопасную мою собственную ногу — я ловила себя на мысли, что от патоки невероятно хочется пить. Слишком уж дизайн таких вот пентхаусов представлялся мне «идеальным» и каким-то...картонным что ли? Здесь все было иначе. Идеально — никто и не спорит! Но! Огромная разница в том, что эта квартира — улада для глаз истинных эстетов. Глубокие оттенки стен, напоминающие только-только разлитое красное вино, предметы искусства...Нет, врать не буду: я в вещах «созерцательных» абсолютный ноль. Мама была по этой теме, но мне от папы досталась прохлада. Это красиво,

кто бы спорил? Иногда навевает «глубокие» мысли, но, по сути своей, мне некогда увлекаться ни картиной, ни скульптурой, ни музыкой. Может, и вовсе не тот склад ума? Кто его знает? Однако здесь я нахожу для себя парочку интересных объектов.

Водитель, который сопровождал меня, как тень, удалился, бросив что-то типа: ждите здесь. А куда я пойду?! Сама же притащилась, дурость какая! Ну да ладно. Зато появился реальный шанс прикоснуться к Великому. Первый объект — это картина. На ней изображены несколько кораблей. Воюют. Как все мужчины и этим неймется! Но как же обширно она выглядит. Здесь же подчеркивается все и сразу: море беспокойное, небо темное, один корабль потонул... Нет, это правда великолепно. Я ведь чуть ли не ощущаю привкус соли на губах и гул опасного ветра, а сердце долдонит в груди, как колокол. Кажется, мне передалась частичка адреналина — и это ж надо иметь такой вот талант! Чтобы даже далекий от искусства человек поразился!

Вторым объектом стала ваза. Вообще, признаюсь, раз уж мы так откровенно заговорили — китайскую культуру я уважаю, и она меня безумно тянет. Всегда тянула. С детства я обожала смотреть всякие там фильмы, например: «Дом летающих кинжалов». Конечно, по сюжету ничего тогда не понимала, но как же это красиво, черт подери... Всегда мечтала побывать в этой стране, поэтому и чай для меня — залог успешного дня. Единственная моя отрада, блин. Как бы

приближаюсь к мечте всеми возможными способами, но сейчас...

Эта ваза — определенно точно китайская. Большая, с вытянутым горлышком, а роспись...ох, это инфаркт. Основной цвет — белый, но мазки выполнены желтым, зеленым и розовым: везде крупные, добротные такие бутоны, скорее всего, все же пионов. На самой выпуклой части картинка: чаепитие. На полу по всем правилам расположилась семья, они разливают чай на фоне картины с птицей. Я, клянусь, снова чувствую это — жасмин и жар, исходящий от любимого, горячего напитка.

- Только не трогайте.

Резко поворачиваюсь, чтобы осознать: поймали. Меня поймали! Марс стоит чуть поодаль у дивана, в очередном, сногсшибательном костюме, от которого мне становится дико неловко и стыдно. Он, наверно, стоит, как половина моей квартиры, когда я — подчеркиваю, — обычная девчонка. Женщина точнее.

Так. Ладно. Ты здесь не на показе мод!

Подбираюсь, но оставить такой нелепый комментарий без внимания не могу: щурюсь.

- Я здесь для того, чтобы обсудить условия нашего...сотрудничества, а не для того, чтобы лапать ваши цацки. Приступим.

Марс неожиданно улыбается, засовывая руки в карманы, голову опускает. Кажется, я его насмешила? Потрясающе. Не

медиум, а клоун какой-то. Ладно и на это, не заостряю внимание, хотя такая мысль не сказать, что самая приятная из всех, что у меня есть или когда-либо были. Подхожу к дивану, сажусь — это ему знак, чтобы тоже опустился напротив. Некомфортно мне рядом с ним, ну хоть убей! Слишком он внушительный, так хоть подобие равенства.

Наверно, Марс это понимает. Он не комментирует, подходит к дивану с другой стороны и тоже садится — слава богу! Только шпилек не хватает мне сейчас, когда я на таком нервяке. Ведь, считай, душу дьяволу собралась продать.

- Вы понимаете, что я не могу гарантировать вам стопроцентного результата? - спрашиваю осторожно.

Вообще, я намеренно не читала про него ничего «такого», то есть личного, включая его браки. Это портит и смазывает все то, что ты видишь дальше — накладывается личная оценка, что плохо. У меня и без того слишком много «личного» по его душу, дальше будет не то, что «много», будет настолько «с горкой», что любое взаимодействие потеряет смысл. Но! Но...ох, это чертово «но» — правящий баллом союз. В жизни-то как? То там, то здесь, а споткнешься о какое-нибудь «но», вот и со мной так же. Вылепила взглядом то, как его характеризуют: холодный, циничный, прущий до конца танк. Очевидно, конечно же, одного взгляда на этого мужчину достаточно, чтобы задуматься всерьез о наличии у него души, а теперь я еще и «вещественного» нахваталась. Поэтому боюсь. Такие мужчины обычно «за» резуль-

тат, а остальное считают баламучиванием воды и сотрясением воздуха. Забавно вообще. Вдруг я чуть не прыскаю, когда представляю, что он «уволит» меня с поста своего личного «стеклянного шара», и только силой воли удастся удержать серьезную мину. Жду ответа — я ведь действительно должна удостовериться, что он понимает, куда суется.

- Понимаю, Астрид.

- Это вам не математика. То, что я могу делать — неточная наука.

- Что мне тоже понятно, не переживайте.

- Я хочу знать, что случится, если я провалю ваше задание.

Сказала. Ох, боже, а как будто скинула гирю с шеи. Меня ведь действительно волнует это — вот о чем я думала на кухне, о чем думала всю ночь, чего греха-то таить?! Не хочу я оказаться в темной комнате на месте того мужичка, или хотя бы хочу быть к этому готова.

Марс плавно откидывается на спинку дивана и закидывает ногу на другую. Медленно так стучит пальцами, смотрит на меня пристально так еще... Честно? Мне впервые в жизни очень хочется провалиться под землю! Взгляд этих зеленых глаз — что-то из разряда «сжигающих дотла». Нет, я таких, как он, никогда не встречала совершенно точно...

- А что случится? - наконец говорит, - Ничего. *Когда* мы договоримся, вашего отца заберут в клинику и проведут нужные операции. Я уже договорился.

- Но...

- Астрид, оставим все ваши «но» за порогом. Я выполню свою часть сделки в любом случае.

- Мне нечем платить в случае моего провала.

- Вы так в себе не уверенны?

- Несмотря ни на что, я реалист. *И мне нечем платить по моим счетам*, - ядовито заканчиваю фразу, а потом испуганно на него смотрю: прикуси свой глупый язык.

Нет, серьезно. Иногда мне кажется, что он живет отдельной жизнью от мозга! Что творю? Сама не знаю. Треплюсь, чтобы будто проверить его границы. Кое-где продавливаю, щупаю — мне очень интересно знать, как далеко я могу зайти. Зачем только? Что мне даст эта странная процедура?! Я не картограф! Да! Точно! Не картограф! Так что прекрати немедленно!

Но Марс снова не злится, а напротив. Я его в который раз веселю разве что...

- Я думаю, что вам не о чем переживать.

Отсылка к тому, как точно я все увидела? Спасибо с поклоном, очень мне это важно, конечно, ну да ладно... Вздыхаю, отклоняюсь, как он, хмурюсь.

- Чтобы понять, кто это сделал, сначала я должна разобраться с тем, как это произошло.

- Вы не читали обо мне в интернете?

- Признаюсь честно, пока ваш водитель вез меня сюда, зашла, но не читала.

- Почему?

- Личное отношение вредит делу. Призма моих чувств может ослепить.

- Вы хотите транслировать не свое мнение, а...

- То что увижу и услышу, да.

В его глазах проскальзывает уважение, и Марс пару раз кивает даже, мол, молодец. Хочется в этот момент отплеваться, конечно, но я себя сдерживаю, ежусь только, а потом перевожу взгляд в окно, где снова идет дождь. И да, ему повезло — стекла его панорамы чистые, хоть ешь с них.

- Еще один момент.

- Какой?

- Я не смогу работать, пока мы не закончим.

- Почему?

- Я уже отвечала на этот вопрос. Вы слишком сильны и к вам сложно пробиться.

- У вас не будет сил на что-то другое... - тихо тянет, раздумывает недолго, потом смотрит на меня, - Сколько вы получаете в месяц? Включая вашу ночную подработку?

- Вы все обо мне узнали?!

- Предпочитаю не работать вслепую. У меня нет дара, остается только видеть глазами.

Шутит еще, ты посмотри. Конечно, это немного оскорбительно, и я чувствую себя, наверно, как мой папа или Люба — кто-то порылся в моей жизни без моего ведома. Мерзко. Ладно, теперь я понимаю, почему мои близкие требуют от меня самоконтроля, хорошо, признаюсь и сдаюсь.

А сама ежусь и называю свою скромную зарплату. Марс на это удивляется, вы гляньте только! Еще бы. Вчера ты прислал мне добрую половину моих денег, и даже этого не заметил, когда как я ежедневно надрываю спину. Понимаю...

- Я оплачу все ваше время двойным тарифом.
- С чего такая щедрость?!
- Мне очень важен ответ на этот вопрос, но я тоже не бросаю деньги на ветер.
- И что это значит?
- Вы будете работать на меня.
- Об этом мы и говорим сейчас, разве нет?
- Не совсем. Вы будете моей личной...назовем это помощницей или секретаршей. Работа несложная и непыльная. Сидите в офисе, отвечаете на звонки — на этом все.
- Ну...хорошо?
- Вы не уверены?
- Я вообще не уверена в том, что сейчас делаю.
- Отрадно слышать. Еще кое-что — вы должны переехать.
- Куда это? - удивляюсь уже я, Марс слегка улыбается и бегло оглядывает гостиную.

- Ко мне.

Что?!

Резко вскакиваю, тяжело дыша. Нет, это уже чистой воды наглость! И на этот раз молчать я не стану! Вот только собираюсь открыть рот — а он уже тут как тут. Перебивает.

- До того, как вы закатите мне истерику, поясню. Я очень

много работаю и не факт, что смогу каждый раз приезжать к назначенному времени. Даже сегодня, вы сами свидетель: мне пришлось отправить за вами водителя. Так будет повторяться снова и снова, поэтому проще, чтобы вы всегда были под рукой.

- Как степлер?!

- Предпочитаю мой счастливый, золотой Паркер. Вас это устраивает?

Нет.

Но я вздыхаю и опускаюсь обратно на диван, тереблю руки и тихо говорю:

- Я не могу.

- Вашего отца забирают сегодня же, Астрид. Тянуть нельзя.

- Что? - еще тише, Марс подается вперед.

- Его заберут в лучшую клинику Москвы, чтобы подготовить к транспортировке.

- Транс...но куда?!

- В Израиль. У них лучшая медицина, как никак, и отличное оборудование, но на данный момент...боюсь, что он не переживет перелет. Поэтому его будут готовить.

Нет. Нет. Нет... неужели это не сон?! Закрываю лицо руками, дышу тяжело, сама изучаю носки своих стареньких сапожек. Не может быть...

- Астрид...

- Скажите, что вы не врете. Пожалуйста. Все действитель-

но так плохо?

- Мне жаль.

- А операция? - спрашиваю, глядя ему в глаза, - Она поможет?

- Все сложно, но в Израиле главным хирургом работает моя сестра. Поверьте, она — лучшая в своем деле.

- Вам же от меня только помощь нужна? - выходит совсем наивно, да и голос мой такой внезапно... «маленький», что для мужчины его величины и возраста кажется забавным.

Марс расслабляется на диване, долго на меня смотрит, пока на губах играет та самая забава, потом тянет.

- А что мне еще по-вашему, может быть, нужно от вас?

- Ну... не знаю! Кристиан Грей там... абьюзер чертов и вообще...

- Стоп.

Испуганно смотрю на него, но Марс на этот раз серьезен абсолютно. Он мотает головой и четко отвечает:

- Забудьте о поп-культуре при общении со мной. Я никогда не заставляю женщин ложиться в мою постель, никогда их не бью и не истязую. Не в моих правилах. Между нами будут исключительно деловые отношения.

Говорит складно, но меня все еще смущает эта его кличка. Синяя Борода, небось, тоже своей молодой жене по ушам ездил и говорил: ой, да не знаю я, где мои жены, делись куда-то. А они кучкой свалены были в подсобке — красота. С другой стороны... я не чувствую в нем фальши. Да и, серьез-

но! Я, конечно, красивая, но вряд ли такого мужчину можно завести одним личиком. Он вон всякие картины да статуи собирает, вазы китайские коллекционирует! И выглядит как Бог... Сколько у него женщин?! Миллион и еще парочка?! Нет, я ему совершенно точно не нужна. И это обижает, конечно, мою нежную, девичью душу, но по большей части радуется.

- Хорошо.

- Как-то нехотя. Чего вы боитесь, Астрид?

- Что заберете мою душу.

- Не волнуйтесь, ограничимся лишь ответом на основной вопрос.

- Что будет с тем человеком, на которого я укажу?

- Это уже не ваша забота.

- Вы убьете его? - спрашиваю тихо, он молит.

Но снова. Зачем мне слышать то, что я уже знаю? А главное...зачем мой язык говорит то, что я знаю?

- Вы убивали людей?

- Мы не будем говорить на такие темы до подписания договора.

- Договора?

- О неразглашении, - удивленно поясняет, как будто я дура, и это злит.

Будто я каждый день заключаю подобные сделки! Да! Не знаю! И что?!

- Простите, я думал, что это очевидно.

Из-за его тупого комментария я злюсь и краснею еще сильнее, но решаю не падать ниже и не закатывать истерик. В конце концов, как говорится: незнание законов, не избавляет от ответственности. Также и здесь: неосведомленность в каких-то очевидных делах, не делает тебя меньшей душой. Так что тормози.

- Вы просите меня подписать кота в мешке.

- Это стандартная процедура. Я должен быть уверен, что ничего из того, что вам станет известно, не покинет стены, в которых мы будем говорить тет-а-тет.

- И все равно: это кот в мешке. Вы вешаете на меня ответственность, которую очень сложно, просто взять и переступить!

- Так или никак.

- Это нечестно...

- Жизнь вообще нечестная.

- Почему вы меня не проверяете? Это ведь логично.

- Потому что я уже вас проверил. Вы увидели то, что я хотел.

- Может быть, и нет?

- Вы видели, как я наказываю того, кто взял мои деньги и не захотел их возвращать. И того, кто вас мне открыл. Достаточно?

Замираю, а потом из меня вырывается вопрос, тот, что я удержать не успела.

- Он мертв?

- Он — мой должник, а я уже говорил, что не разбрасываюсь деньгами. Итак. Вы согласны на все условия? Подписываем договор? Это последний шанс, чтобы сдать назад.

- Вам известно, что этой передачи в моей машине нет. Только вперед. Подписываем.

Так я продаю душу. Марс передает мне «контракт», спасибо, что еще и подсовывает ручку, а не заставляет вспороть палец и оставить на листе А4 пару капель крови! Ох, черт... волнуясь. Пробегаю глазами по тексту, а он расплывается в стороны. Что же делать? Вообще ничего не понимаю. Куча терминов, которые мне неизвестны, а разбираться? Нет. Я знаю, что не выйдет, поэтому делаю так, как удобно мне. Смотрю ему в глаза и спрашиваю:

- Поклянитесь мне, что вы не врете. Вы спасете моего отца.

- Я не Бог, Астрид, - тихо отвечает, - Но я клянусь, что сделаю все, что от меня зависит.

Еще пара мгновений. Я сканирую его, и сейчас это максимально просто — потому что позволяет. Мне не нужно спрашивать, я это знаю, как что-то само собой разумеющееся. Он мне разрешает.

Коробит, конечно, ну да ладно. На первых этапах этого достаточно, чтобы понять — не врет. Хорошо. Все остальное, как говорится, приложится. Кто кого еще? Посмотрим. К каждому можно найти подход, главное — понять, с какой стороны подступиться. Скоро, господин Синяя Борода, мне

ваше разрешение уже не понадобится.

Ставлю свою размашистую подпись и двигаю контракт его владельцу, он одобрительно кивает. Сделка прошла успешно — твоя душа передана на сохранность, Астрид. Назад дороги нет.

Глава 4. Установки

- Когда начнем? - спрашиваю, Марс слегка улыбается.

- Думаю, что скоро.

Посмотрите на него. Он ДУМАЕТ. Марс, вы можете думать, сколько вам влезет, только вот в чем загвоздка: призраки решают.

Я чувствую дуновение холодного, дерущего до костей ветра в помещении, где нет и не может быть сквозняка, а это означает одно: кто-то пришел. Вообще, если честно, должна отдать должное его энергетике. Я ведь даже не настраивалась. Или, быть может, просто кое-кто хочет что-то сказать?

Оборачиваюсь. Сначала не замечаю ничего, но потом, пробежавшись взглядом по полкам с красивыми вещами, вижу не менее красивую девушку.

Она высокая. Такая высокая, что даже мне с моими параметрами «выше среднего» далеко. Вообще, когда я была маленькой, мама мне пророчила карьеру модели, только в какой-то момент все схлопнулось: я дотянула до ста шестидесяти девяти сантиметров, и все. Морковки, наверно, надо было больше есть... Эта мадам на морковку денег точно не жалела.

Сидит по-царски, с надменным выражением лица и на помосте, как на троне. Рядом со статуей какого-то мужика. Ха! Как будто еще одна часть коллекции... Волосы — длинное,

гладкое полотно. Светлое. Глаза...сейчас мне сложно определить, я вижу призраков в черно-белом варианте. По-моему, когда-то видела цветными, просто блеклыми. Все изменилось из-за того самого «своего» взгляда, а если совсем начистоту, влияние поп-культуры не иначе как. Посмотрела в детстве фильм «Страшилы»* — там как раз призраки такими и были, еще «Каспер» 1995 года с Кристиной Риччи в главной роли...Я себя ей тогда представляла, только жаль друга у меня такого не было, как Каспер. Я так и осталась одиноким ребенком, который видит какую-то непонятную абракадабру. Мда...за столько лет, я ни разу не встречала добрых призраков.

Эта девушка не исключение. Я чувствую дикую-дикую злость, направленную на Марса, и внутри все так и леденеет. Божечки, неужели я облажалась?

- Астрид, вы меня слушаете?

Рассеянно моргаю и смотрю точно в его глаза, мотаю головой.

- Нет.

Он снова улыбается.

- Мне нравится ваша прямолинейность, но...

- Ваши планы придется изменить. К вам пришли.

В тот же миг, когда последнее хриплое слово срывается с моих губ, все веселье из глаз этого странного, непонятного мне мужчины — уходит. Он подается вперед, осматривается по наитию, но потом опять впирает в меня все внимание и

глухо шепчет.

- Кто?

- Она молодая и безумно красивая. Ноги длиннющие, волосы светлые, какие глаза не вижу, но она дико злится на вас. Еще у нее родинка над губой, как у Синди Кроуфорд.

Призрак фыркает, я на нее вновь кошусь, а вот Марс расслабляется.

Я это чувствую по его вибрациям и снова смотрю точно на его внушительную фигуру, чтобы удостовериться. Точно. Полностью расслаблен.

- Понял о ком вы. Ее зовут Тамара.

Девушка опять фыркает, подается вперед, впиваясь острыми ногтями в помост так, словно я наяву это слышу. Поэтому жмурюсь. Не самый приятный звук на свете.

- Ей так не нравится.

- Вы правы, - мягко улыбается — понятно, проверял, - Мара. Она любила, когда ее называют так.

И точно. У девушки на лице благоговение и спокойствие, но лишь на миг. Она снова касается Марса, но почему-то молчит. Почему ты молчишь? Почему не подходишь? До меня созревает, только когда он рот открывает — она тоже его проверяла.

- К сожалению, сейчас я не могу...все это делать.

Что, простите?! Смотрю на него, как на придурка, Марс же уводит взгляд в окно и продолжает.

- У меня очень важные переговоры, а вы должны попро-

щаться с отцом.

- Вы серьезно?!

- Астрид, у меня сейчас нет времени, - с нажимом повторяет, и в тот же миг девушка психует.

Она резко вскакивает, смотрит на него так гневно, а потом растворяется в воздухе... И тишина.

- Вы неправы, - через пару мгновений шепчу, мотаю головой.

Мне ее жаль, если честно. Она пришла к нему с того света, а он, видите ли, нос воротит. Что за бред?!

- Я уже объяснил.

- Она пришла к вам...сама. Вы понимаете?

- И она подождет.

Жестко.

- Сегодня вы прощаетесь с отцом на достаточно продолжительный срок. Пока он будет в Москве, вы сможете к нему приходить, это само собой разумеется, но потом...

- Я его не увижу.

- Надеюсь, что увидите.

Господи, как ровно он это говорит. Холодно и спокойно. Не знаю, есть ли у него вообще душа или вместо пяти крестов, шесть? Под последним он сам лежит? Мне, как видится, точно да. Хотя что это я? Какое кому дело до чужой беды? Чего я от него жду, если мы знакомы всего-то ничего?

А в голове набатом бьет: холодный, готовый на все, прущий напролом. Жестокий. Да, Марс жестокий и бессердеч-

ный...не обманывайся, Астрид, так и есть.

- Вещи соберите только самые необходимые, - тем временем ровно продолжает он, - Одежды много не берите, здесь вас будет ждать новая. Не в моих правилах говорить так, конечно, но ваша...не подходит.

- Ну простите, что я не скупаю бутик Шанель каждый месяц. Не все повернуты на брендах, да и у меня дела поважнее есть! - злюсь, но он отбивает еще спокойней.

- Ни к чему так много эмоций, я вас не хотел обидеть, но предпочитаю обрисовывать «дела» четко и сразу. В нашем офисе свой дресс-код. Лично мне плевать, как вы будете выглядеть, но такие правила. На этом точка.

Открываю рот, чтобы выдать еще какую-нибудь шпильку-тире-оправдание, но сразу его закрываю. Смысл то какой? Эту глыбину фиг пробьешь, да и надо ли мне это? С деловой стороны — безусловно; а так? Плевать.

- Я поняла.

- Вашего отца заберут в шесть вечера. Вас в семь. Надеюсь, успеете?

- Надеюсь, что успею.

Усмехается.

- Отлично. Мы пришли к консенсусу. Итак, ваш новый телефон, - передает мне коробку, которую я принимаю молча.

Спорить? Смысла в этом тоже не вижу. Он все равно делает, как сам хочет — глупо. Только больше времени рядом проведу, а мне это вообще не упало никуда.

- Там уже вбит мой номер, номер московского врача, который будет наблюдать за вашим отцом, а также номер моей сестры. Когда он окажется на месте, вы сможете с ней связаться и получить больше деталей исходя из целостности картины. Также, когда вы вернетесь сегодня сюда, вам принесут планшет. Ознакомьтесь с вашими обязанностями, пожалуйста, и уставом компании. Это важно.

- Я поняла, - цежу, Марс пропускает мимо ушей, смотрит на часы и встает.

- И последнее. Ни одна душа не должна знать, что вы будете делать. На рабочем месте ко мне обращаться исключительно по имени и отчеству. И без фамильярности.

- Даже папа?

- Что?

- Я должна сказать ему что-то.

Пару мгновений молчит, но кивает.

- Скажите, что один из ваших богатых клиентов решил воспользоваться ситуацией. Благотворительность — отличная история для тех, кто прячет или отмывает капиталы.

- То есть я должна соврать?!

- Да. До встречи.

Об этом мы не договорились! А все-таки умудрился, вернулся и выкрутил ситуацию так, как ему нужно было. Спорю на что угодно — это было прописано в чертовом договоре. Где-нибудь мелким шрифтом и со звездочкой, просто он знал, что я в любом случае проглочу. Выхода-то у ме-

ня нет...И, черт возьми, спору на что угодно в квадрате — это не последний, похожий маневр.

Ну да ладно. Что мне остается? Пару мгновений смотрю в широкую спину, потом встаю и иду к лифту. Там меня уже ждет тот же водитель, а впереди прощание...

Когда я прихожу домой, папа смотрит телевизор. Он удивленно подается вперед, хмурится, стоит только меня увидеть:

- Астри, а ты чего так рано? Случилось что-то?

Он не спрашивает, почему сегодня не пришла его сиделка и не повезла в больницу на процедуры. Вдруг вообще считает, что я все отменила? Потеряла надежду? Нет, папуль, не потеряла. Я не позволю тебе умереть!

- Пап, нам поговорить надо.

Подхожу и сажусь напротив, он хмурится сильнее. Наверно, страшно? Наверно, да. Но я вижу, как эта эмоция сменяется другой — принятием. Папа расслабляется в своем кресле, потом мягко мне улыбается и кивает.

- Ничего, Астри, я все понимаю.

- Что? - вырывается против воли, он жмет плечами.

- Я не обижаюсь, если ты переживаешь. Хватит мне уже, тебе тем более. Жизнь свою пора строить, а ты убиваешь себя на всех этих подработках, и ради чего? Отпусти меня, доченька...Пора.

- Что ты несешь?! - пылю моментально, подавшись вперед, - Не говори так!

- Астри...

- Я нашла спонсора!

Пару мгновений он просто молчит, но потом его расслабленное лицо напрягается вместе с телом, и он переспрашивает.

- Спонсора?

Не хочется врать, но что поделать? Условия такие.

- Да! Спонсора!

Я вкратце обрисовываю ему легенду, от которой жжет меж лопатками. Не люблю врать, особенно папе. Да и мне всегда кажется, что он все мои мысли на ладони держит — выкручиваться бессмысленно. Я себя сейчас пересиливаю, вот правда. И ложь вываливаю, при этом держусь особняком, играю круче Мерил Стрип — все, лишь бы не нарушить договор. Все, чтобы его спасти.

Папа ничего не чувствует — это меня здорово пугает. Наверно, он правда устал, и что-то в глубине души шепчет: Астри, отпусти его, отпусти. Но я не могу. И не хочу. Тогда я останусь совсем одна...

- ...Пап, он хочет отмыть капитал, а мы... Ну да, это плохо, наверно, но нам-то какая разница? Мы свое получим — остальное побоку.

- Астри, нельзя так.

- Мы сами никогда не заработаем на нужную операцию, тем более на Израиль! А так...это взаимная помощь. К его делам отношения имеем лишь касательное.

- Я...

- Пожалуйста, просто... скажи да, - умоляю, он снова молчит.

Астри, отпусти его... не надо. Нет!

Слегка кривлюсь, но снова упираю в него взгляд, и папа пару раз кивает.

- Конечно, доченька. Что нужно от меня?

- Хороший настрой! А так... я сама соберу твои вещи, а потом мы с тобой что-нибудь посмотрим. Как тебе такая идея?

- Хорошо звучит.

Слышу в голосе какую-то странную грусть, и воодушевление от его согласия моментально испаряется. Я снова присаживаюсь на колени, беру его руку и тихо спрашиваю.

- Почему ты грустишь?

- Если что-то пойдет не так... я умру далеко от тебя, малышка. Я бы этого не хотел...

- Ты не умрешь.

- Астри, все может случиться. Анализы очень плохие...

- Ты не умрешь! - настойчиво повторяю, - Все будет хорошо. Еще на службу у меня вернешься, преступников ловить будешь!

Такой прогноз отражается в нем привычным, веселым смехом, и мне становится легче.

А голос по-прежнему шепчет: отпусти его, Астри. Ничего не получится, и ты это знаешь...

Последний день мы с папой проводим перед телевизором. Смотрим наши любимые фильмы, поглощаем их, как попкорн, который я заказываю из ближайшего кино. Папа у меня попкорн любит. Он вообще у меня много чего любит, но ему почти ничего нельзя, кроме всего пары продуктов, входящих в диету.

Мда...так его не побалуешь. Тогда я выскальзываю из дома, пока он засыпает. Полчаса у меня точно есть. Лечу, как ветер до ближайшего ТРК, где покупаю ему подарок. Папа еще часы всегда любил, но его хорошие, которые еще мама подарила, нам пришлось продать. Благодаря Марсу я могу это исправить и выбираю ему одни из лучших, какие только нахожу — с белым циферблатом и крупными, золотыми цифрами. Ремешок кожаный, светло-коричневый, а так как времени остается еще кое на что — иду и делаю ему гравировку: самому сильному папе от его Звездочки.

Да. Так хорошо.

И мне правда хорошо, легко, я счастлива. Такой уверенный настрой, граничащий, если по правде, с истерикой, ну да ладно. Она накрывает меня с головой, когда его увозят. Вообще, надо обязательно сказать спасибо Марсу: выглядит это очень эффектно. Бригада в шикарной форме, светлой, явно дорогой. В нашем скромном интерьере они смотрятся немного нелепо, конечно, как если бы принести сюда что-то

мраморное и начищенное до блеска. Оборудование — огонь. Нет, я всем довольна. Сжимаю руку папы перед тем, как его погрузят в шикарную скорую, а на запястье часы.

- Не снимай их, ладно? И я всегда рядом буду. Мой самый сильный папа...

Он мне слабо улыбается, кивает, а когда я его обнимаю, шепчу:

- Я к тебе обязательно приду. Не скучай и настройся на выздоровление — это самое важное. Верить.

Я верю, но мне как будто сердце вырвали вместе с тем, как машина тронулась с места. Так холодно, одиноко... а дома еще хуже. Я же привыкла видеть его здесь, и пустое кресло приносит мне почти физическую боль; и страх; и дурное предчувствие...

Так, нет, хватит! Ты настраиваешь себя — это плохо. Я мотаю головой, выхожу из большой комнаты в свою маленькую и наспех собираю вещи. Знаете? И хорошо, что я здесь жить не буду — волком бы выла.

А сейчас скорее любопытствую. Меня привезли в тот же самый пентхаус, и пока строгая женщина с туго завязанными, темными волосами ведет меня до комнаты, я аж рот раскрываю. Все хочется изучить, проверить, но мне нельзя. Она на меня смотрит, как на грязь, и только тараторит несметное количество правил: туда нельзя, сюда тоже, а в эту комнату ни под каким соусом! За «просмотр достопримечательностей — штраф. Потрогаешь? вообще расстрел! Нет, судя по

всему, мне вообще ничего нельзя, кроме как сидеть в своей комнате.

Она у меня теперь большая и красивая. В светлых тонах, с огромной двуспальной кроватью и личной ванной. Все, как для VIP-персоны, кроме одного факта: клетка это. Когда правила кончаются, женщина сует мне планшет, а потом хлопает дверью прямо перед носом. Нет... Фрекен Бок и то была подорожее...

Ох, ладно. Медленно снимаю свое пальтишко, ставлю свои пожитки у кровати и озираюсь. Самое главное, что меня привлекает — это огромное окно до пола, откуда видно всю Москву. Она грустит. Обливается буквально слезами, но все равно такая же красивая, как прежде — огни вон зажигаются, а где-то там папа... Мне очень хочется его увидеть, но довольствоваться приходится лишь звонком. Он убеждает меня, что все нормально и даже больше, но я слышу по голосу — смущен. Наверно, его апартаменты тоже слишком шикарные для «обычных» смертных. Ничего, потерпеть бы, и вернемся обратно. В нашу привычную, пусть не такую роскошную, но родную жизнь.

Мда... мысли, короче говоря, мрачные. Решаю отвлечься. В комнате стоит добротный шкаф-купе, под завязку набитый новыми вещами... МОИМИ. Да, Фрекен Бок на максималках об этом что-то говорила... Вроде как, я должна подготовить костюм на завтра? Как и любой девчонке, мне только волю дай — вот тебе и отвлечение.

Раньше, помню, я обожала наряжаться, вещи красивые, платишка разные. Это сейчас меня так жизнь потрепала, что ни до чего, а когда-то да... В этом я первая. Хлебом не корми, дай в какой-нибудь магазинчик забежать. А тут на тебе! Живу фактически в бутике дорогуших, итальянских костюмов. Клоака, конечно, если так подумать. Не мой стиль. Все строгое, серое, но есть варианты яркие. Например, синий костюм с юбкой карандашом. К нему бы топик шелковый...

Я сразу представляю себе, как Марс будет на меня смотреть в нем, но отплевываюсь. Совсем чокнулась?! Я еще не решила, вдруг он и есть убийца своих жен, а слюни распустила?! Ну да. Привлекательный. Да. Серьезный весь из себя и сильный, а имя такое сладкое, как нуга под шоколадом. Мне нравится его произносить — красная планета боли. Вторая ассоциация не страннее первой.

В общем. Неоднозначные ощущения.

Я крепко зеваю, вешаю очередной комплект обратно в шкаф и бреду до своей постели. Странно так...еще и одиннадцати нет, а я устала просто дико. Наверно, меня призраки потрепали... нужно восполнить.

Только трепят они меня и во сне. Она, если точнее: Мара. Сон мне видится неприятнейший. Будто я стою на высоченной скале, она меня с нее толкает — я просыпаюсь в холодном поту, а руки мокрые.

Странно. Так странно...все ведь настолько реально, буд-

то я до сих пор чувствую холодный ветер и капли дождя на своем лице. Может, она так и умерла?

Хмыкаю, потом сажусь и тру глаза. Нет, это предприятие куда сложнее, чем мне казалось, и чувство такое еще колючие — только начало положено, дальше будет полный фарш.

Класс.

После похожих кошмаров мне всегда требуется выпить горячего молока. Почему? Мама меня им поила. Это что-то вроде неосознанного рефлекса: когда тебе плохо или ты болеешь — всегда есть кружка горячего молока с корицей. Только вот проблема: из комнаты мне выходить нельзя.

А я все равно высовываю свой любопытный нос. Может быть, и позвала бы кого-то, да только некого — квартира, как кладбище, тихое и холодное, словно вымерли все. И ладно. И плевать. Сама разберусь.

Оттягиваю пушистую кофту от своей пижамы и выхожу. Где кухня — без понятия, но я вижу свет и иду на него, попадая в гостиную. Где-то мерно тикают часы, горит огонь в камине, а перед ним сидит Марс. Похоже, что он только что пришел? Все еще в костюме, только ворот расслаблен. Устал...ой, как же он устал...Сейчас от его энергетики мало, что осталось, хотя зайти дальше, чем все тоже мерзлое «ничто», у меня не получается. Я честно тужусь, правда, чем привлекаю его внимание.

Пару раз моргнув, он поднимает голову со спинки дивана, хмурится.

- Астрид? Вы не спите?

- Простите, что отвлекла.

- Ничего, - мягко, как тот самый огонь за стеклом, лижет мои барабанные перепонки бархатный шепот, - Я просто на мгновение остановился. Вы чего-то хотите?

- Искала кухню. Кошмар приснился, мне нужно молока выпить.

Он дарит мне легкую полуулыбку, кивает и встает.

- Пойдемте, я вас провожу.

- Да не...

Стоит. Вот что я хотела сказать: не утруждайте себя, я и сама справлюсь, да только не волнует это никого. Марс раз-
машистым шагом идет вглубь своего пентхауса, а я за ним гуськом. Ну ладно. Воспользуюсь ситуацией, чтобы его прощупать: сейчас он не так обороняется, как при первой нашей встречи — его мороз то кусачий, но скорее очень.

Мы попадаем в еще одно просторное помещение. Шикарное. Нет, серьезно, вся его жизнь прошита нитками «люкс» или «роскошь». Что-то на богатом, короче говоря. Интересно, а каково это? Иметь возможность *иметь*, что ты хочешь?

- Молоко.

Марс ставит причудливую бутылку на стол, рядом стакан. Хочет поухаживать? И правда. Вы посмотрите на эти манеры. Открывает крышку длинными, изящными пальцами с кольцом на мизинце. Другим. Я его еще не видела, у него на этот раз прозрачный, но все такой же внушительный ка-

мень — бриллиант. Я хоть в цацках мало чего понимаю, но до этого додумался бы и слепой.

- Стойте, не надо! Я не так его пью! - очухиваюсь раньше, чем белая субстанция польется в высокий, прозрачный стакан — Марс замирает.

Он с насмешкой поднимает брови, я подхожу и забираю молоко решительно. Смелости во мне нет, дело вообще не в этом! Просто притворяюсь уверенной, как броню надеваю. Рядом с ним иначе нельзя, но ненадолго меня хватает. Где взять ковшик? Без понятия. Я беспомощно смотрю на несметное количество полок, пока чувствую, как он оценивает меня. Да боже ты мой! Хорошо, сдаюсь!

- Мне нужна кастрюлька. Или ковшик.

Смешок уже реальный, проигрыш фиксирует плотно, и из-за этого я краснею, злюсь, но молчу — он же молчит. Просто достает мне небольшой половник.

- А корица у вас есть?

Кивает. Открывает шкафчик с морем специй, находит и ставит стеклянную емкость с палочками внутри.

- Есть еще ваниль, хотите?

Заманчиво, но нет. Я хочу маму почувствовать, а она ваниль никогда не добавляла.

- Нет, этого хватит. Разве что...

- Мед?

- Откуда вы знаете?

- Достаточно очевидно.

Фыркаю, он снова усмехается. Так я получаю все ингредиенты путем терпения и собранности. Ну почти.

Начинаю замешивать, а он все стоит, смотрит на меня. Господи, ну что?!

- Хотите? - с сарказмом спрашиваю, он кривится неожиданно.

- Нет. Мне же больше пяти.

- Очень смешно.

- Вы осуждаете меня?

Я сказала «неожиданно» на его выражение лица?! Тогда что это происходит здесь и сейчас?! Замираю, удивленно на него смотрю, а Марс вдруг тянется к карману, откуда на миг в мое поле зрения попадает зажигалка, но это все. Он слегка мотает головой, засовывает обратно и смотрит мне в глаза.

- Я отложил наш сеанс.

- Отложили.

- Вам это не понравилось.

- Это еще что. Вашей жене это не понравилось гораздо больше.

- Ей всегда что-то не нравилось, - пожимает плечами, а в глазах такой холод...

Я останавливаюсь, смотрю на него долго, распознавая кое-что еще: ему жаль, что она умерла, но это не приносит ему той боли, которая присуща убитому горю мужу.

- Когда она умерла?

- Четыре месяца назад.

О да. Совершенно точно не приносит. Папа в это время с кровати вставал с трудом, а этот вон скачет, будто лет пять прошло...

- Вы не похожи на страдающего вдовца.

- Очевидно.

Как и вывод очевиден.

- Вы ее не любили.

Усмехается.

- У нас с Марой был контракт.

- Контракт?

- Она была моделью. Красивая. Хорошие гены. Я предложил ей статус, положение и деньги, она должна была родить мне наследника.

- Вам от нее нужен был только ребенок?

- Я давно не верю в любовь, Астрид, а в детей очень.

- Почему вы выбрали ее? Красивых то много.

- Она долгое время была моей любовницей.

- То есть она вас любила?

- Я уже говорил...

- Она очень сильно на вас злится, - перебиваю тихо, хмурюсь, - Она вас любила.

Марс молчит. Он стойко выдерживает мой требовательный взгляд пару мгновений, но потом уводит его из-под обстрела в сторону окна, вздыхает.

- Я допускаю, что она была в меня влюблена, но...она знала, как я отношусь к отношениям и знала, чего я от нее жду.

Я ее никогда не обманывал.

- Но она надеялась...

- Это уже не мои проблемы, - холодно чеканит, смотрит почти яростно, но потом быстро прячет все эмоции за той самой ледяной стеной и цедит, - Лучше не задерживайтесь, завтра в семь утра вы должны быть в гостинной. Спокойной ночи.

Мне не надо пытаться влезть в его душу, чтобы понять: сейчас, если я подойду ближе, его лед сожрет меня с потрохами. Как в жидкий азот опуститься — нет, не рискну, но бросаю последнюю на сегодня реплику.

- Марс, постойте.

Замирает в дверях.

- Вы можете не говорить вашей Фрекен Бок, что я вышла из комнаты? Она мне запретила, а проблемы мне ни к чему.

На миг клянусь, я чувствую, как он повышает градус своего сердца, но, наверно, это только мираж. Марс коротко кивает, даже не поворачиваясь, и уходит — а я остаюсь. Что там дальше будет? Ох, как непросто мне придется с этим мужчиной...

*«Страшилы» (англ. The Frighteners) — комедийный фильм ужасов 1996 года режиссёра Питера Джексона, исполнителем продюсером которого был Роберт Земекис. В главных ролях: Майкл Джей Фокс и Трини Альварадо.

Глава 5. Мощь

- ВЫ НЕ ИМЕТЕ НИКАКОГО ПРАВА! - ору, не жалея связок, отчего Марса аж подкидывает.

Я вижу, как трескается его спокойствие, как он делает на меня шаг, и в глазах рождаются всполохи огня, готовые сожрать меня с потрохами. Пусть голос и ровный — дай ему пистолет в руки, точно прикончит...

- Я вас предупреждал, Астрид! Никакой фривольности! Вы в этом виноваты, и на вашем месте я бы помнил это самое место. В моей компании, черт бы ее побрал, я буду решать, как мне управлять! А теперь не выводите меня из себя — вон из моего кабинета!

Я еле дышу. От ярости меня бьет мелкой дрожью, и как же мне, черт подери, хочется вцепиться в его физиономию ногтями... Но разве у меня есть выбор?! Нету! Резко разворачиваюсь на шпильках и бегом вылетаю за пределы этой довлеющей энергетики и всего ее воздействия. Хочется отмыться! Так мне она и ее владелец неприятны сейчас... когда я думала, что он еще ничего, точно голову мою и меня в целом пожалуй остается! Дура!

Три часа назад

Мы приезжаем к стеклянному, высокому зданию быстро, потому что «ни свет ни заря». Пробок почти нет, да и ехать

откровенно мало. Можно было бы и пешком дойти, но это, видимо, не входит в манеры царственные, в которых я, хлопка с окраины, ничего не понимаю.

- Вы выглядите недовольной, - вдруг во время моего внутреннего фыркания, вторгается Марс, и я испуганно на него кошусь.

Боже, надеюсь, что не слышал?

- Я...нет, просто...

- Астрид, говорите. Что вас не устраивает? Не работали в офисе? Волнуетесь?

- Нет, я просто...до вашего офиса пешком пятнадцать минут, - говорю под строгим взглядом в лифте с ним наедине, - Зачем нужна машина?

Кажется, я в который раз поставила его в тупик. Марс долго смотрит на меня, как на дуру, но потом усмехается и отдает все свое внимание обратно телефону.

- Честно? Я об этом никогда и не думал.

- Понятно.

Ядовито вышло. Я себя за это ругаю, а поздно. Марс слышит каждое слово и интонацию, усмехается.

- Что еще? Теперь ответ не удовлетворил?

- Видимо, кому-то вроде меня просто сложно его понять.

- Кому-то вроде вас?

- Вы понимаете о чем я.

- Вас смущает разница наших положений, - кивает пару раз, не спрашивает, но я все равно отвечаю просто.

- Не смущает, она есть и это факт.

Динь!

Марс оставляет мою реплику без внимания, выходит, а я за ним хвостиком. Об этом мне тоже не надо говорить, все ясно — иду, разглядываю огромный офис в светлых тонах, разве что рот не открываю. Нет, это круто. Я не постеснялась залезть в интернет и почитать о его компании, так что знаю: престижная до зубной боли. Работать здесь — привилегия всех возможных привилегий. Дорого, богато, шикарно, короче говоря, а каково это — знать, что это — твое? Нет, даже не могу себе представить...

Мы попадаем в большую, светлую приемную. Окна панорамные, тона чуть темнее, ближе к кофейным, но как-то так даже круче выглядит. Примечательно, ничего вычурного здесь тоже нет. Никаких тебе атрибутов офиса «короля мира», все достаточно спокойно и выдержано. Как и сам хозяин — ничего кричащего.

- Это будет ваш стол, - Марс упирает указательный палец в стол напротив другого, а потом обращает внимание на его пустое кресло, - Ксении еще нет. Что ж...Когда она придет, скажите ей, что я велел показать вам все. После пусть зайдет ко мне.

- Хорошо.

Киваю и собираюсь обойти свой стол, но когда прохожу мимо Марса, он подцепляет меня за локоть и шепчет почти на ухо.

- Астрид, я надеюсь, что вы помните правило? Никаких вольностей.

- Вы знали, что крепостное право отменили? - шепчу в ответ с усмешкой, потом смотрю ему в глаза и добавляю нагло, - Или в конце мне все-таки придется умолять вас о вольной?

Марс шутку оценивает, я же вижу! Но не поддается. Разве что тихо добавляет:

- О субординации можно вспомнить уже сейчас.

Вот и поговорили. Он уходит, а я присаживаюсь на краешек стула с горящими щеками. С чего бы вдруг? Наверно, это все его глаза. Нравятся они мне. Точнее, не так: мне нравится, когда они становятся *настоящими*.

Может он и ничего? Не такой и бесчувственный, холодный чурбан, коим казался?

Об этом вдоволь подумать я не успеваю. В приемную залезает худенькая, маленькая девчонка с блондинистыми, длинными волосами. Глаза — широко открытые окна, вся нервная, на иголках. Бешено осматривается и стоит ей меня заметить, замирает.

- А ты кто?

- Видимо, еще одна помощница. Марс Александрович нанял.

Поджимает губы. Стоп, неужели? Я вижу, как ей это не нравится, но отнюдь не потому что я ее тут «подвинула», скорее потому что в его поле ее сдвинула. Ага. Понятно. Чувствую всполох ярких, горячих эмоций, на вкус жгучих, как

перец: круто, ревность. Я очень сомневаюсь, что Марс заводит отношения на рабочем месте, так что вряд ли они встречаются, как любовники. Скорее она смотрит на него с обожанием откуда-то снизу, где он ее никогда не заметит.

Сочувствую. Но все-таки любопытно проверить, поэтому пока она раздевается, я прикрываю глаза и стараюсь ее «ощупать». Что ищу? Да след его энергии. Мужчины всегда оставляют след на женщинах, а такой мужчина? О да, он непременно это сделает подсознательно. Не надо быть гением или медиумом, чтобы понимать: Марс отстраненный, но «его» значит «его».

А на ней пусто. Там, где должен быть «мужской» отпечаток есть что-то слабое и совсем непривлекательное для меня. На вкус, как каша из перезрелого авокадо — травянистый запах, текстура ужас, да и вообще! Авокадо — не мой любимый ингредиент. У нее явно есть мужчина, к которому сама Ксения вряд ли питает хотя бы какие-то чувства.

- Стой, - очухиваюсь, когда она направляется в сторону двери в кабинет Марса, - Он сказал, чтобы ты мне сначала все показала, а потом уже...

- Я сама разберусь!

Ох, ну да, точно. Мне не показалось. Она так ядовито мне отвечает, кривится еще, сучка, будто я ей всю жизнь испортила! Ну да, зашла на ее территорию, но это же бред и вообще нечестно! Так агриться на меня тупо за то, что я получила работу.

Ох, женщины...Поэтому я с ними не общаюсь. У меня всего одна подруга, которой мне за глаза и за уши.

Ксения возвращается вся белая еще через десять минут. Чувствую по энергетике, что не хило ее там шарахнуло, но не спрашиваю. Мы не подруги, она ясно дала понять, что даже на «теплые» отношения между коллегами рассчитывать не приходится. Ну и ладно. И плевать. Я предельно внимательно слушаю все то, чем мне предстоит заниматься, а потом этим, собственно, и занимаюсь.

Работа несложная. Отвечать на звонки да разбирать горю корреспонденции. Важное на мой взгляд — перекинуть ему; явную рекламу — в корзину. Иногда сварить кофе. На этом все. Серьезные звонки и соединения — Ксения. Крупные поручения — тоже она. Короче, меня взяли чисто для вида и это очевидно мне, да и ей, что уж скрывать?

Я думала, что этот факт немного расслабит девушку, а хрен там пел. Чувствую, как ее раздражаю, как она продолжает меня поглядывать с ненавистью — господи, ну что?! Я вообще молчу!

- Ну как дела?

Так глубоко я погрузилась в миллион входящих писем и старания отгородиться от отношения второй, главной помощницы, что не заметила причину всего этого — Марс. Он вышел из кабинета и подошел к моему столу, а вопрос так внезапен, что я вздрагиваю и роняю чашку на пол.

Поэтому шиплю, конечно же.

- Господи, напугали!

Взгляд Марса удивленный, конечно же, как особый вид искусства, но я отложу свои наблюдения на потом. Нагибаюсь и тянусь к чашке, а Ксения уже тут как тут.

- Марс Александрович... - щебечет она так нежно, и никакого тебе «шипа», разумеется, в помине нет!

Вот коза...

Внезапно меня изнутри поджигает какая-то странная ревность? Серьезно? Или что это? Я разобраться не успеваю, краснею и отбрасываю в сторону все глупости, поднимаюсь. Не хочу все-таки носом в грязь ударить окончательно.

Но спокойствия нет. Наблюдаю картину века: девчонка вся красная, на фоне с ним точно Дюймовочка, щебечет что-то дальше, а он — скала. Смотрит отрешенно, но на нее хотя бы так, на меня-то совершенно нет!

Непорядок!

- Марс Александрович... - тяну, как кошка, - Вы чего-то хотели?

Я знаю, чего хочу я: внимания.

Он поворачивает голову, поднимает брови и вижу, клянусь, что борется с улыбкой, словно читает все мои желания, как контракты на своем столе. И ничего, и пусть знает!

- Или вы передумали насчет вольной?

Подтруниваю, но на этот раз не вызываю тех же чувств, как прежде. Внезапно его взгляд тяжелеет стократно, а сам Марс выпрямляется, расправляет плечи и холодом пышет.

Девчонка смотрит на меня ошарашено. Стоп, что я такого сказала? Ничего же...

Ох, черт! Субординация!!! Астрид, твою мать!

- Ксения, - с особой ледяной интонацией говорит «босс», глядя, правда, исключительно мне в глаза, - Вы уволены.

Я резко вскакиваю, уперев руки в стол и ору:

- ЧТО?!

Эта дура только и пищит, вторя мне исключительно словесно.

- Что?

Но ОН не собирается удостаивать никого из нас ответом. Разворачивается и уходит в свой кабинет. Ксения — в слезы. Я — в злость.

Так, собственно, я и оказываюсь теперь прижата к двустворчатым дверям его кабинета в пустой приемной одна. Ксения вряд ли успела собрать свои вещи, скорее всего, просто сбежала рыдать по кабинкам туалетов, меня же пожирает ярость.

Из-за одной шутки?! Бесчувственный, дерьмо-мужик!!!

И вдруг я чувствую холод. Он так внезапно проходится по телу, лижет открытые икры, что я ежусь, не сразу догоняю, а когда догоняю — плохо становится. Его последняя жена сидит на моем столе, положив ногу на ногу и широко улыбается.

Черт...не к добру это...а через миг меня отбрасывает в невесомость.

Дверь кабинета Марса открывается, и я захожу внутрь. В руках чашка кофе. Его любимый. Мне ли не знать, а? Мы так давно спим вместе, а Марс не тот мужчина, который любит перемены. Его жизнь — одна четко выверенная плоскость. Сюрпризы — нет. Все должно быть проверено и под контролем.

Он быстро что-то печатает. Я часто бывала в этом кабинете раньше, но мы никогда не занимались здесь сексом — это удручает. Я всегда мечтала, чтобы он взял меня прямо на этом столе. Страстно, быстро стихнул все вещи, показал, что я для него на первом месте! Я! Но этого никогда не происходило...

Может попробовать снова? Точно. Попробую.

Подхожу аккуратно, неслышно, правда Марс реагирует остро и быстро. К нему невозможно подкрасться. Поднимает голову, когда я даже половину расстояния не успеваю преодолеть. Напряжен. Вижу, как хватается за карман сбоку, и улыбаюсь. Пистолет? Нет, в меня ты не выстрелишь, мой кроткий зверь.

- Я подумала, что кофе не будет лишним, м?

Говорю тихо, вкрадчиво, улыбаюсь шире — он непонимающе хмурится.

- Я не...

- Чи-ш-ш...

Мотаю головой и подхожу, ставлю чашечку на край, сама смотрю ему в глаза.

- Ты такой красивый... - Марс дергает головой, но молчит, я прикрываю глаза и берусь за пуговицы на своей светло-кофейной блузке, - Я всю ночь только и думала, что о тебе...Вспоминала. Знаешь? Только твои руки способны заставить меня кричать.

Марс медленно сглатывает, а от вида, как его кадык дергается, внутри меня все стягивает. Я довольна. Да, он реагирует на меня, как раньше, даже ярче! Потрясающе...кто говорит, что брак убивает страсть, просто не любил по-настоящему!

Вытаскиваю блузку из юбки, расстегиваю ее полностью и прикрываю глаза от внезапно сильно, сбивающей с ног волны внутренних желаний. Да, Марс, не медли. Да! Сегодня у меня все получится. Отодвигаю его клавиатуру и сажусь на ее место, смотрю точно в глаза, пока веду носком туфли по его ноге.

- Ну что же ты замер? Я тебя жду...

- Что ты делаешь? - хрипло шепчет, старается не смотреть на мою грудь — сложно ему это дается.

Я тихо усмехаюсь.

- Да, я помню: правила-правила-правила...брось, они нужны, чтобы их нарушать.

Не выдерживаю и наклоняюсь, что сорвать до боли сладкий поцелуй, и тут же меня, как ишарит. Сначала холод, потом пожар...

Резко открываю глаза и отшатываюсь. Я поцеловала Марса?! Я?! Это разве не воспоминания?!

Он ошарашен, а я не меньше! Смотрю на него пару мгновений и хлопаю глазами, как дура, потом только соображаю, что свечу перед своим опасным-грубым-боссом лифчиком, мгновенно обхватываю себя руками.

Еле дышу.

Мне так стыдно, что я слова сказать не могу. Красная вся до кончиков ушей, в пол смотрю, он начинает первым. Откашливается.

- Астрид, вы...

О нет-нет-нет!!! Я абсолютно точно не готова слушать его сейчас, поэтому вскакиваю и сбегая глупо, только пятки и сверкали.

Какого хрена это было?! Она завладела моим телом?! Я...

- Тварь.

Впервые слышу голос его последней жены и оборачиваюсь. Наглая сучка стоит чуть поодаль, мерцает от злости, «дышит» тяжело. Она готова меня убить, но в этот раз не выйдет! Я тоже готова к твоим фокусам, овца!

Или нет?

Я было открываю рот, чтобы вставить свои «пять копеек», только кому они нужны? *Тамара*, как банкомат, мелочи не принимает, а вместо того несется на меня, и через миг — я снова не я.

Бегу куда-то по длинным коридорам. Пытаюсь остановиться, но смотрю на все со стороны, и это меня убивает. Я не могу ничего! Все тело будто сковало, и все, что у меня есть — наблюдать.

Первый пролет наверх. Еще один. И еще.

Дверь огромная, страшная какая-то, железная.

Я толкаю ее своими руками, которые не принадлежат мне, и попадаю на огромную крышу. Льет дождь. Мне холодно буквально сразу. Внутри разливается лед. Это от нее — она принесла в меня смерть, как заразу, вирус, от которого хрен избавишься.

- Почему же? - шиплю ее голосом, - Головой вниз и нормально будет! Тогда ты ему тоже не будешь нужна!

О нет!

Меня парализует ужас, окатывает тот самый кошмар. Так это был вещий сон?! Она меня толкнет?!

- Еще как!

Но я ничего не сделала!

- Он на тебя смотрит!

Я ему помогаю!

- Ага, как же! Он не имеет права так смотреть ни на кого! Ты умерла! Стой!

Не знаю как, но мне удастся взять контроль над собой перед самым краем. На это уходят все мои силы, и я падаю на холодный, мокрый пол, а из носа тонкой струйкой течет кровь. Голова гудит просто дико...как я это сделала? До сих

пор не понимаю, правда, но вижу ее тень.

Тамара стоит в стороне. Плачет? Как будто да. А я хриплю...

- Я здесь не для этого. Мне он не нужен, но Марсу нужна помощь. Его убивает незнание...

- Он меня совсем забыл...- обреченно шепчет, - Он даже не захотел поговорить!

Голос тут же переходит на повышенный.

- Я пришла! Раз ты за этим, я здесь! Ему это неинтересно!

- Но я здесь ни при чем...

Вряд ли мои слова дали ей реальную причину отступить, скорее другое. Честно? Я до последнего думала, что этот аттракцион с катанием духа внутри себя повторится, а нет. Тамара отступает еще со злой, но такой до боли печальной ухмылкой, шепчет.

- Его убивает незнание? Пусть так и будет. Он выбрал — пусть так и будет...

- Мара...не уходи.

- Если он захочет, ему самому придется искать меня теперь. Его очередь бегать. Сначала за еще одним медиумом, потом за мной...

Слышу щелчок за спиной, потом ее смех, а потом оглушающую, дикую тишину шумящего ливня.

Красота...

Вот теперь я по-настоящему влипла...

Одна на крыше, о чем не знает никто. Сил у меня нет. Та-

мара обладает настолько огромной мощью, что выкачала из меня все ресурсы разом. Требуется почти десять минут под проливным дождем, чтобы я пришла хотя бы в подобие себя и могла подняться. Ноги тряслись жутко, зубы стучат. Я сжимаюсь вся мокрая, мне дико холодно, а ветер даже не думает сжалиться. Озираюсь беспомощно, что же мне делать?

Дверь. Да. Дверь.

Бреду к ней. Новый порыв ветра чуть не сбивает меня с ног, только чудом удастся устоять, но она ведь действительно закрыта. Я дергаю за ручку — ничего. Еще — снова ничего. Пальцы только соскальзывают, а от холода становится еще больнее. Начинаю барабанить. Черт, я сейчас сознание потеряю от переохладения — совершенно точно, а мне все не слышат.

И не услышат.

Вдруг не услышат?

Слезы катятся из глаз, когда я представляю себе такую глупую, бесполезную кончину на крыше многомиллиардного здания. Внезапно так жалко и эпично это выглядит, что я начинаю смеяться. Нервно скорее. Сползая по стене, представляя, что буду писать газеты, когда мое тело обнаружат — господа, как нелепо, но эпично.

Эпично.

Это последнее, что я отчетливо слышу. Сознание мое утекает между пальцев, как черная, густая вода. Или кровь? Я не могу разобрать.

Слышу удар где-то на задворках, а потом все. Мне тепло и уютно, но на этом я покидаю чат.

Глава 6. Больше

В камине мирно потрескивает огонь, и мне тепло, как было тепло когда-то дома, когда все еще было хорошо. Я со своей любимой книгой, на столе ароматный горячий шоколад, а за окном зима. Темно, но пухлые сугробики подсвечиваются синим, как всегда и бывает, если вы замечали — прекрасная игра света на блестящих, плотных полотнах. Мне хорошо. Я счастлива. Нет, мне, правда, очень хорошо здесь, как будто я на своем месте наконец. Мне не нужно никуда бежать, не нужно скрывать свой дар — здесь, дома, я могу быть собой.

- Волшебное это чувство, да?

Слышу тихий голос и оборачиваюсь. У огромных, панорамных окон из теплого, карамельного дерева стоит девушка. Кто она? Я не знаю. Лица не видно, только водопад светлых прядей. На ней легкое платье и никакой обуви. Странно, но я не боюсь совсем, только задаюсь вопросом: тебе не холодно?

- Передай ему, что он должен изменить свое отношение.

- Кому?

- Ты знаешь.

Не понимаю. О ком она говорит?

- Скажи, что его Земля так сказала: он должен изменить отношение, чтобы что-то получилось.

- Прости, но...я правда не понимаю. О ком ты?
- О том, кто всех нас связал.
- Марс...

Я резко распахиваю глаза с его именем на устах и сразу чувствую движение сбоку, а через миг вижу Марса. Он хмурый весь, мокрый. Волосы, рубашка, пиджак вообще хоть выжимай...

- Что произошло? - еле слышно шепчу и сразу получаю ударную волну его холода.

- Это я у вас хотел спросить! Какого черта тебя понесло на крышу?!

Мы не переходили на «ты» и тот факт, что он себе это позволил, говорит о многом. Неужели действительно волновался? Может быть, но как понять, если он продолжает жечь своим внутренним ознобом? Из-за него я морщусь и отодвигаюсь глубже на диван, Марс понимает неверно. Он находится близко, даже слишком, и, видимо, догоняет, что перешел границу. Вообще нет, мне приятно его общество, как бы это ни звучало дико, однако его мороз...

- Простите, - лаконично сообщает, поднимаясь на ноги, - Я перешел границу допустимого и вашего личного пространства.

- Дело не в моем личном пространстве, - отвечаю также тихо, - Вы меня морозите.

Очевидно, он не понимает. Хмурится сильнее, брови на

глаза роняет и сверлит меня взглядом — зато хоть холод отступает. Вот значит, что нужно сделать? Поставить в тупик? Я слегка усмехаюсь и мотаю головой, поднимаясь на руках.

- Ваша энергетика...она так сильна, что шпарит холодом.

- Правда?

Смотрю на него, не могу сдержать улыбку. Он так смешно брови строит, удивляется искренне — чем больше времени я провожу с ним, тем больше мне кажется, что есть у него душа. Где-то далеко спрятана за безграничными просторами морозной пустоши.

- Вы так обороняетесь, наверно.

- Я не специально.

В этот момент я бросаю взгляд на его губы, которые выгибаются в ответной улыбке, и краснею. Ох, как неловко...да, его целовала не я по факту, но...это были и мои губы тоже. Точнее, только мои...как неловко...

- Знаю, - сбито отвечаю и отворачиваюсь было к окну, но тут же смотрю на себя.

Господи...плед...Фух!

За окном по-прежнему бушует погода, которая никак не хочет взять «стоп», злится будто, а я же была в одной тоненькой блузочке...Не очень мне хочется снова демонстрировать ему свои «прелести», поэтому для верности я натягиваю пушистую шкурку к подбородку и туплю взгляд. Марс за мной все это время наблюдает молча, но, наверно, терпение его не безгранично.

- Вы объясните, что произошло?

Мужчина подходит к дивану и присаживается на кресло рядом, но я на него по-прежнему не смотрю, а киваю несколько раз. Да, сказать что-то надо...

- Я...это была не я.

- Простите?

- В вашем кабинете...это не я делала. Всякие там глупости...

Чувствую улыбку. Его энергетика не бьет холодом теперь, но она все еще беспокойна, однако эту вибрацию я чувствую. Теплую такую, поэтому смотрю — хочу убедиться. И правда ведь улыбается, но быстро опускает глаза, зато медленно облизывает губы, как если бы хотел спрятать смешок.

- Да...- откашливается, чтобы не засмеяться?! Право, как мило! - Это было глупо...

- Что-то смешное увидели во всем этом?!

- А я разве смеюсь? - мы с Марсом сталкиваемся взглядами, правда, если я злюсь — он точно ржет молчаливо.

Впервые я вижу этих чертиков, как озорных всполохов или огоньков. Интересные открытия, однако...

- Я чувствую, что еще секунда и точно будете.

- Ну этого мы никогда не узнаем.

Марс окончательно берет себя в руки и откидывается на спинку кресла, слегка наклоняя голову набок. Молчит. Думает? Или ждет объяснения? Наверно второе, да? Я правда не знаю. Чувствую себя дико неловко, сжимаюсь вся под пле-

дом, а от него взора не отрываю — физически будто невозможное это предприятие. Странно...я часто не могу влиять на обстоятельства, на то, как складывается моя жизнь в тех или иных ее аспектах, но чтобы я не могла контролировать свой взгляд?! Это совсем за рамками, и поэтому снова бесит.

Я вообще человек свободолюбивый скорее, и мне не нравится, когда мной вот так крутят. Марс это понимает быстро. Он откашливается и спрашивает, прерывая свое давление переводом внимания на стол — простая уловка, от которой становится немного спокойней на душе.

- Вы объясните подробнее, Астрид? Сжальтесь, я же совсем новичок в таких делах.

- Мара приходила.

Внимание снова резко мое. На этот раз никаких игр: Марс подается вперед и серьезно, даже строго как-то спрашивает.

- В каком смысле?

- После нашей недомолвки она ждала меня за пределами вашего кабинета, а потом...Я правда думала, что это всего лишь воспоминание, но...она завладела моим телом и проделала всякое с вами...

- Вы не говорили, что это возможно.

- Я сама не знала, такого раньше никогда не было. Возможно все дело в том, что она очень злится, а умерла совсем недавно? А может быть...

- Может быть?

- В чувствах, которые она испытывает к вам до сих пор? -

замолкаю ненадолго, но потом сама подаюсь ближе и шепчу, - Когда она была мной, я чувствовала, как сильно она жаждет вашего внимания. Тот факт, что вы ее снова проигнорировали, как делали, догадываюсь, и в ваших отношениях, сильно зацепил ее душу. Я вас предупреждала.

Марс поджимает губы, а через миг и вовсе встает, отходит к окну. Он долго молчит и думает о чем-то, я не спешу нарушать этот мыслительный процесс, жду. Наверно, ему нужно время? Мне было бы нужно, по крайней мере...

- Такое может повториться? - холодно спрашивает, я жму плечами.

- Мне откуда знать? Наверно, нет...

- Наверно? Меня такой ответ не устраивает.

- А что вы от меня ждете?! Я вас предупреждала — это неточная наука. Вы сказали, что все понимаете! - поддаюсь эмоциями, он отвечает тем же.

- Не повышайте на меня голос!

Теперь в кабинете виснет тишина. Мне она не нравится: на этот раз ведь заслужено, правда. Я перешла черту, а субординация для него, как кислород, также важна. Поэтому тише. Тише, черт тебя подери! Просто извинись...

- Простите.

Это сложно. Мне приходится выталкивать из себя слова, в которые я верю, но к которым совсем не привыкла, однако неожиданно они его смягчают. Марс выдыхает тяжело, мотает головой и шепчет себе под нос.

- Вы еще такой ребенок...

И мне бы оскорбиться? Но я слышу в голосе нотку нежности и ласки, поэтому не решаюсь — как-то по-особому звучит его замечание...

- Я вас услышал, и больше этого не повторится. Сейчас вы едете домой, на сегодня свободны, отдыхайте.

Я встаю на ноги, не смею ему перечить. Опять же: нам обоим нужно переждать эту бурю и подумать, уложить в парадигму собственного мира все то, что произошло, но напоследок я вспоминаю свой сон и роняю.

- Вам кое-что просили передать.

- Мара?

- Нет, - слегка мотаю головой, - Она сказала, что теперь чтобы с ней поговорить, вам придется самому ее искать.

Марс усмехается и пару раз кивает, словно узнает в словах и поступках характер своей бывшей. Очевидно, это так. Не знаю, сколько они пробыли вместе, но у них явно были страстные, горячие отношения — там хочешь/не хочешь, а знать будешь многое.

- Кто тогда?

- Я не видела ее лица, но она назвалась вашей Землей...

Все улыбки после этих слов — забыты и стерты напрочь, будто их не было никогда. Марс смотрит на меня так, будто убить на месте готов только за то, что я сейчас произнесла, и это немного сбивает с толку. Я отступаю на шаг ближе к двери, хмурюсь, а он не выдерживает — срывается на крик.

- Ну! Говорите!

Что...произошло? От такой смены настроений я ловлю некий ступор и молчу, как дура — его это выводит из себя окончательно. Марс быстро пересекает комнату и хватается за плечи, сжимает их и встряхивает:

- Говори!

И я выпаливаю:

- Она сказала, что ты должен изменить свое отношение!

Пусти!

Вырываюсь, смотрю на него пару мгновений, как на человека, которого то ли осенило, то ли по башке шарахнуло, а потом разворачиваюсь и сбегает. Конечно, не без последнего «фи».

- Чертов псих!

Так-то. Будешь знать, как хватать меня, придурок!

Но и он не лыком шит, оказывается. А я уже и забыла, с кем дело имею, представляете?

Марс догоняет меня аккуратно возле двери, которую не дает даже открыть до конца, тут же вдавливая в полотно свою огромную лапищу. Я уже хочу возмутиться, мол, какого хрена?! Но не успеваю. Он резко поворачивает меня и прижимает к все той же злосчастной двери, держа за плечи. Весь — не он будто, будто действительно чертов псих!

- Что она еще сказала?! Что сказала?!

- Ничего она больше не говорила и...

Ага, куда там договорить! Так же быстро и резко этот чер-

тов псих тянет меня обратно к дивану, прежде щелкнув замок. Во что я угодила?! Куда полезла?! Что за территория «икс», сносящая все его преграды?! Все стоп-краны?! Все вообще?!

Это то и пугает больше всего. Что ему снесло просто все в его башке, где теперь он варится в собственном яде...

- Попробуйте!

Что, простите?!

Я сначала не понимаю, честно, чего он хочет от меня, но Марс крепко сжимает запястье и рычит вновь.

- Попробуй выйти с ней на связь! Немедленно!

Нет...серьезно. Во что я вляпалась и куда полезла?! Кто она и что для него значит? Ох боже...Холод его неконтролируемой энергии вырывается и жжет, хотя...стоп, это не холод, огонь! Откуда?! Его я раньше не чувствовала, но он горит на дне глаз — это я вижу теперь.

- Хорошо!

У меня просто нет выхода, я не могу отказаться. Понимаю объективно и трезво — не могу, он не позволит. Кто бы эта женщина ни была, она для Марса важнее всех живых вместе взятых, а значит: он меня так просто не отпустит.

Черт...

Ладно. Соберись.

Закрываю глаза и стараюсь дышать медленно и спокойно. Сложно, когда на тебя так пристально смотрят и будто подгоняют, но это что еще? Я сталкиваюсь с той же проблемой,

что и прежде. Стоит мне переступить порог его сознания, как я попадаю в мерзлую пустошь, где нет ни огонька, ни пристанища. Воеет ветер, носит посыпь сухого снега по земле, ветер до костей пробирает. Я оглядываюсь — ничего. Стойте? Что это?

Впереди сквозь бурю я, кажется, улавливаю свечение. Хмурюсь.

- Что там?!

Марс грубо вырывает меня из ментального состояния обратно на диван, отчего я не на шутку завожусь и психую тут же:

- Хватит отвлекать меня, придурок!

Смотрим друг на друга зло, но благодаря этому я могу вырвать руки и вернуть им обратно свой контроль — уже большой плюс. Было бы хорошо и отступить, правда, тут и дураку ясно, что это не вариант. Он позволил малое, на большее пойдет только через мой труп.

Ох, ладно.

Еще раз.

Закрываю глаза, теперь получается проще. Я снова стою посередине его проклятой души и озираюсь. Где же ты, огонечек? Ну где? А его нет... зубы стучат, я сжимаю себя руками и решаю идти: это лучше, чем стоять на месте всегда. Так всегда! Но чем дальше я захожу, тем отчетливее понимаю — нет здесь ничего, кроме вечного мороза... Я так устала. Мне хочется спать. Вот тут лечь и свернуться, закрыть глаза

и перестать бежать — как заманчиво, да? Стоп. Это плохая история. Надо из нее выбирать.

- Я больше не могу, - шепчу тихо, открыв глаза, - Ничего не вижу...

- Пытайся.

Конечно, кто бы сомневался, что он именно так ответит? Забавно, но мне не хватает сил даже разозлиться...я обречено закрываю глаза и возвращаюсь обратно. Ноги удаётся переставлять по огромным сугробам с бóльшим трудом, чем до этого. Мои силы на исходе, а потом я касаюсь лица и вижу кровь на кончиках пальцев. Черт...

Снова открываю глаза. Кровь действительно идет, я слабо и медленно стираю ее, смотрю на него с тяжелыми веками, умоляю.

- Пожалуйста...я больше не могу.

- Я за это заплатил! Пытайся!

Он холоднее льда, которым покрыт с головы до ног. Жестокий, циничный ублюдок, но его правда. Он за это заплатил...от безысходности с глаз срываются слезы, но я выдыхаю и в третий раз отправляюсь на поиски души Синей Бороды.

А ее нет. Представляете? Ее просто нет нигде. Возможно, тот огонек лишь отблеск моих собственных надежд? Страшно же вдруг осознать, что работаешь на чудовище...

Я бреду дальше. Здесь земля совсем промозглая. Вдруг вообще иду не в ту сторону? Черт, мне так тяжело дойти

до сути не было никогда, а сейчас — эта ноша будто вовсе неподъемная.

Еще шажок. Еще. И еще. Приходится уговаривать себя двигаться, пока я не понимаю — это все. Финита. Больше не могу пройти ни шагу. Наверно, в реальном мире прошло не больше двадцати минут, а для меня как две вечности, догоняющих третью.

Присаживаюсь на землю, вздыхаю. Наверно, я стану шестой «не-женой», правда, но женщиной на счету Синей Бороды? Которую он убьет своим жестоким бессердечием? Наверно да...

Но прежде чем закрыть глаза и отдаться темноте, я снова ощущаю тепло, которое, правда, не успеваю прочувствовать — ухожу. Надеюсь, что не навсегда...

Не навсегда.

Я открываю глаза тяжело, но открываю! И это уже благо. Лежу на огромной постели в своей комнате. Переодетая, сухая, согретая, закутанная по уши. А он у окна стоит...

Ох, боже...

На меня не смотрит, только на город перед собой. Это тоже благо: есть время его рассмотреть получше. Марс сейчас не такой, как обычно. Пиджак валяется на моем кресле, рукава его застегнутой на все пуговицы рубашки сейчас расслаблены и закатаны до локтей. Кстати, о пуговицах. Они и

у горла расстегнуты. В темноте сложно подметить, но мне удастся и это: под его глазами залегли тяжелые тени, да и сам он хмурый весь, задумчивый.

Такой одинокий...

Я вдруг понимаю, насколько он на самом деле одинокий. Чувствую это, если быть точнее. Сейчас нет холода, только бесконечно тянущая сердце боль.

- Кто она? - хрипло спрашиваю, а он сразу напрягается.

Застала врасплох? Ох, это заставляет меня немного улыбнуться.

- Я вас напугала.

- Сегодня вы занимаетесь этим весь день.

Марс разворачивается ко мне лицом и отвечает на мою улыбку, пусть глаза его она и не трогает.

- Кто меня раздел?

- Не волнуйтесь, я не позволил себе лишнего. Как вы называли Анну? Фрекен Бок? Она переодела вас и намазала мазью на всякий случай. Все-таки вы провели какое-то время...на холоде.

Теперь это звучало как-то многозначительно.

Я киваю и отвожу взгляд в сторону, но потом сразу его возвращаю, потому что неожиданно до меня кое-что доходит...

- Вы действительно защищаетесь. Так вы видите весь мир, да? Морозной пустошью.

- Мир — опасен и жесток, - отвечает тихо, я же не могу с

ним и не согласиться и согласиться.

Жму плечами.

- Иногда это так, иногда нет. Для вас все в черных красках.

- Мне нечему радоваться, Астрид.

- Кто она? - повторяю вопрос, Марс опускает взгляд на свою руку, где сейчас я замечаю кое-что, что до этого не видела.

Татуировка.

Интересно, что на ней?

Марс будто читает мои мысли, подходит к моей постели и присаживается с краю, а потом показывает. Марс и Земля.

- Я сделал ее в пятнадцать, когда познакомился с Таней.

Она — моя первая жена.

Ну конечно...как я не догадалась? Привстаю, чтобы рассмотреть получше рисунок, хотя, скорее, это просто очередная уловка, чтобы время оттянуть. Но скоро моя пауза становится неприличной, время кончилось...

- Вы ее любили.

- Всем сердцем.

Марс отвечает глухо, отчего я сразу понимаю: не врет и даже больше. Он до сих пор ее любит...Вот теперь я вижу в нем своего отца. Ту же боль, ту же трагедию, ту же печаль...

- Мне жаль.

- Простите меня, - игнорирует меня, но говорит дальше, - Я слишком давил на вас, хотя не должен был. Когда услышал о ней, ни о чем больше не думал.

- Я вас понимаю. Если бы мне кто-то сказал о маме, я тоже не сдержалась бы.

- Если вы захотите закончить на этом, я пойму. Наши договоренности останутся в силе, но вы будете свободны.

Он снова не врет, но в его глазах я вижу то, что не даст мне согласиться на такое щедрое предложение. О нет... Ни за что! Я же вижу в нем отражение папы...

- Я не уйду, а закончу, но... Не делайте так больше.

- Даю свое слово.

- Спасибо, я вам верю.

Марс слегка улыбается и кивает, а потом хмурится вдруг.

- Но кое-что придется изменить.

- Вспомнить о субординации? Только это вы в моей комнате после наступления ночи, а не наоборот.

Мне удастся его рассмешить! Вау! Я и сама поддерживаю такой заразительный, пусть и тихий смех — красивый, мелодичный, бархатный...

- Несмотря на то, что я действительно не люблю нарушения субординации, ваши шутки нравятся мне. Только это между нами.

- Я — могила. Клянусь, что никто не узнает, как вы умеете смеяться.

Он слегка ведет головой, потом смотрит мне в глаза и улыбается.

- У вас на все готов ответ.

- О таком обычно спрашивают, а не утверждают.

- К чему мне тратить время на вопросы, если это очевидно?

- Не знаю, вы же тратите его сейчас, пока ходите вокруг да около.

Еще один порыв смеха! Вау! Я иду на рекорд, из-за чего улыбаюсь шире.

- Вы правы. Вам не понравится, что я скажу дальше, поэтому я действительно тяну время.

- Бойтесь меня или моей реакции?

- Вы слишком слабая сейчас, не хочу волновать еще больше.

- Ну волнуйтесь уж, чего там?

Вздыхаю и подтягиваюсь на руках. Почему-то мне становится дико неловко лежать в такой вот ситуации...

- После того, что было сегодня, я не могу больше выпускать вас из вида, поэтому теперь вы будете рядом со мной двадцать четыре на семь.

- Звучит, как угроза, - нервно усмехаюсь, а потом вдруг расширяю глаза и натягиваю на себя одеяло, - Я надеюсь, что...я не буду с вами спать!

Еще один мой выигрыш в конкурсе «Рассмеши-Железного-Человека» теперь не кажется такой уж победой. Я как-то совсем напрягаюсь, из последних сил выбиваюсь и правда! А он все ржет...поэтому я как-то не думаю, что делаю. Беру и пинаю под одеялом, мол, охренел?! Я серьезно, вообще-то!

Марс тут же удивленно на меня смотрит, я на него хмуро

в ответ.

- Не надо ржать, когда я серьезно говорю! Нет! На это мы не...

- Астрид, успокойтесь. В этом плане вы меня не привлекаете — это первое...

Первое, а сразу в цель. Мне почему-то так обидно становится...ну, хватит! Слушай внимательно, а не цепляйся за глупости.

- ...Второе: я никогда не принуждаю женщин. По-моему, мы об этом уже говорили?

- Говорили.

- Я имел в виду дневное время. Теперь вы будете проводить его рядом со мной.

- Вряд ли это повторится. Мара ушла, и теперь вам придется самому побегать — ее слова.

- И я их помню, но кто мне даст гарантии? Вряд ли их можно получить с мертвых.

- Ваша правда...

Приходится смириться: он ведь действительно прав. А если что...что?! Ну вот что?! Ладно, хоть спасет меня, в этом мы сегодня убедились...

- Ну хорошо. Ваше предложение не кажется мне таким уж оскорбительным.

- Это не предложение, а даже если бы и было, оно заключалось не в этом.

- В чем же оно тогда заключается?

- С этого дня вам придется изображать не только мою помощницу, но и мою любовницу.

Что-что?!

Я хлопаю глазами, видимо, слишком часто, чтобы он серьезно начал переживать за моё состояние. Вижу, как подается было вперед, но сама отшатываюсь и выпаливаю.

- Простите?! Да как вы...

- Астрид, я только что обозначил свою позицию и повторяю фразу еще раз. Пожалуйста, слушайте внимательно: вам придется *изображать* мою любовницу.

- На каком таком основании?!

- Потому что так проще всего объяснить, почему я выношу вас из своего кабинета на руках, в мокрой, расстёгнутой одежде.

- Ох...

Это все, что из меня выходит. Воздух и глупое «ох». Я об этом совсем как-то не подумала. Черт...дурная Тамара! Теперь специально буду так ее называть! Хотя как-то отомстить за унижение...

Краснею, злюсь, а парировать то чем? Тут вряд ли можно придумать что-то разумное. Он прав: как это выглядело со стороны?! Только об этом, и подумали все, какой смысл выворачиваться?! Только больше внимания к себе привлеку...Дурная башка...

- И что? Теперь все будут считать меня истеричкой? - по-детски суплюсь, почти всхлипываю и прячу глаза, концен-

трируя все внимание на своих ладонях, - Напилась, пыталась вас соблазнить, потом полезла на крышу и...

- Астрид...

Мое имя в его устах звучит так мягко и добро, что я невольно смотрю в глаза, а они улыбаются. Наконец-то улыбка трогает не только пухлые губы, но и глаза — это ведь важно. Она не может считаться настоящей иначе...

- Во-первых, кто вам сказал, что кто-то знает детали? Во-вторых, они видели, как я выношу вас из своего кабинета, а что было до — нет. Женщина по многим причинам может «заснуть» рядом со своим мужчиной, вы так не считаете?

В миг меня парализует отчаянное смущение. Господи, нет! Выдай хоть что-то, умоляю, не позорься!

Ага, как же...

Я фыркаю, одновременно смеюсь, поэтому выходит что-то между явным симптомом отказа речевого аппарата и хрюком. Да-да. Х-Р-Ю-К-О-М! Какой кошмар... я закрываю рот ладонью, расширяю глаза, а он... борется со смехом и проигрывает. Мою комнату тут же буквально взрывает настоящий раскат его веселья, и я бы непременно этому радовалась, если бы могла хотя пошевелиться...

Убейте меня, умоляю... Мара, я передумала! Возвращайся и толкни с обрыва!!!

- Вы очаровательны, вам говорили?

- Пожалуйста... - шепчу, резко прижав вспотевшие ладошки к лицу, - Мы можем притвориться, что этого не было?!

Можем.

Марс мягко игнорирует все, прекращает смеяться и продолжает как ни в чем не бывало.

- В любом случае вас обсуждать не будут, а если столкнетесь с проблемами любого характера, я...

- Уволите за вольность?

- Именно так.

- Верните Ксюшу.

- Что, простите?

Пару мгновений молчу, а потом подбираюсь и гордо задираю нос.

- Вы переходите границы нашего договора, за это ввожу санкции в виде этой девчонки. Верните ее. Я требую!

Спорю на что угодно, такое с ним впервые. Марс поднимает брови, удивленно хлопает глазами и явно не знает, что ответить, а я что? Смакую этот прекрасный момент, пробую назубок каждую секунду и наслаждаюсь. Он ловит мои ощущения за хвост. Легко так, играючи, поэтому после пары мгновений праведного шока, улыбается и пару раз кивает.

- Хорошо.

- Просто вышло.

- Считайте, что вы заслужили. Со мной так никто не смеет разговаривать.

- Вам бы почаще спускаться в метро, там с вами и не так говорить будут. Или хотя бы по улице ходить.

- У меня нет на это времени.

- Жизнь-то не в вашем офисе, Марс Александрович.

- Когда мы наедине, можете называть меня по имени. И на «ты».

- Вдруг я забудусь, Марс? - тяну с улыбкой, подначиваю, а он приближается слегка и шепчет в ответ.

- Тогда я тоже смогу ввести санкции, Астрид.

Звучит просто потрясающе. Нет, правда. Так волнительно почему-то, так...ох боже. Я снова горю, но теперь не только снаружи, но и внутри. Неожиданное ощущение...а еще внезапней, что он сам, несмотря на всю свою браваду, ловит от этого мгновения кайф. Может прятать его сколько угодно, только от меня, человека, который читает чувства, не выйдет — ему нравится. Сужу по отсутствию жгучего холода. Так, легкий морозец кусает за нос, но скорее...иначе короче, понимаете? Будто просто осматривается, привыкает ко мне, прощупывает. Вот что он делает теперь — нет глухой обороны, разве что...неужели интерес?

- Завтра в обед я хотела съездить к папе... - говорю тихо, чтобы уговорить поток сознания, повернувшийся явно не в том направлении, и Марс кивает.

- Хорошо.

- Я смогу?

- Я свожу тебя.

«Тебя» резонирует неожиданно интимно. Мне приходится отвести взгляд, чтобы скрыть свое смятение и смущение напололам, прошептать хоть что-то...

- Спасибо.
- Отдыхай. Спокойной ночи.
- И вам, Марс.

Слава богу, он не настаивает, чтобы я называла его на ты! Не могу и все, как ступор! Страшно как-то... но произносить его имя мне нравится. Как будто шоколадку перекатываешь на языке. Я делаю это снова и снова, пока не закрываю глаза и не улетаю в страну чудесных грез...

Глава 7. Удачная попытка

- ...Папуль, все хорошо.

Я мягко улыбаюсь ему, а в душе вообще танцую! Папа стал выглядеть очень и очень хорошо, почти здоровым, если, конечно, исключить из уравнения все эти трубки и мониторы. А тем не менее цвет лица лучше, улыбка более уверенная, даже, кажется, глаза горят. Нет. Не кажется — горят. Я провожу кончиками пальцев по его щеке и еле сдерживаю слезы радости — зачем его пугать? Волновать? Не надо это здесь. Ему только спокойствие, сон и хорошее питание нужно. Все остальное потом.

- То есть ты работаешь в офисе теперь? - усмехается, ловя мою руку и оставляя на внешней стороне ладони поцелуй, - Ох, вот они с тобой страдают...

- Это просто прикрытие.

Цыкаю, а сама улыбаюсь — папа, блин!

- Вообще несмешно! - смеюсь, он поддерживает и пару раз кивает.

- Когда я представляю шабаш, который ты там устроишь — очень смешно становится. Кто этот мужчина?

Мне не нужно смотреть за спину, чтобы понять, о ком идет речь. Марс стоит у стены напротив за толстым стеклом, копается в телефоне, но мой папа не был бы полицейским до мозга костей, если бы его не срисовал. Профессионализм

высшей пробы, так сказать! И что на это отвечать? Притворяться и юлить? Тоже не вариант: опять же высшая проба и все дела. Он ложь у меня за версту чует.

- Это... тот самый мужчина, который оплатил твоё лечение и нанял меня.

- О, интересно... Ну, зови. Хочу поблагодарить.

- Пап, да в этом нет никакого...

- Есть смысл, - кивает уверенно и подтягивается на руках, чтобы занять более выгодную позицию сидя, - Особенно если он привозит мою дочь лично.

Ох, боже, что за намек?! Краснею просто дико! Но... что тут скажешь? Не отбрехаешься...

- Ладно, - нехотя киваю и встаю с больничной кровати, - Ты просто невыносим!

- Зови-зови.

Еще раз усмехаюсь, ну вот и что тут поделаешь?! А нечего!

- Извините...

Марс поднимает глаза сразу, пока я неловко мнусь в проходе.

- Что-то случилось?

- Папа... он хочет вас лично поблагодарить.

- В этом нет...

- Простите, но это не предложение.

Видимо, наглая я — и это действительно так. Марс на миг застывает, чтобы я опять убедилась в том, что с ним вряд

ли кто-то имеет право вот так вот общаться, а мне хорошо. Я улыбаюсь в ответ — нравится ставить его в тупик, ничего поделаться с этим не могу! И он это чувствует словно. Отвечает мне мягко, кивает и отрывается от стены, чтобы дальше предстать перед родителем.

Неловко. Ох, боже, как же это неловко, черт возьми!!!

Папа его пристально разглядывает, да так, как никогда не разглядывал моих парней! А он же не мой! Почему тогда мне деть себя некуда?!

- Добрый день, - кивает Марс и подходит еще ближе, протягивая руку, папа ему отвечает крепко.

- Добрый-добрый... так, значит, это вас мне надо благодарить?

- Не стоит. Приятно видеть, что вы чувствуете себя лучше.

- О да, я расцвел, как роза садовая...

- Папа!

Да что ж ты несешь?! Подкалываешь его зачем?! Марса это, правда, не смущает. Он улыбается и кивает в ответ.

- Ну до розы вам пока далеко, но мы над этим работаем.

Вы посмотрите. Нашли общий язык?! Папа ведь тоже вон посмеивается. Если честно, раньше он никогда так тепло и *сразу* не принимал ни одного из лиц мужского пола, которые оказывались ко мне в непосредственной близости. Кого-то потом, после определенного, временного промежутка, а кого-то вообще в штыки, но чтобы сразу?! Неа. Не было. А Марс ему, похоже, импонирует...

- Как вас зовут?
- Простите. Марс. Приятно познакомиться.
- Марс...какое...необычное имя.
- Мой отец питает слабость к мифологии.

Папа улыбается.

- Вижу. Итак, моя девочка работает на вас, значит?
- Да. Она делает...помогает мне кое в чем разобраться.
- Это она умеет...а как ваша фамилия? Может быть, я где-то о вас слышал?

На этот вопрос Марс не спешит отвечать, только смотрит твердо. Чувствую, что атмосфера в комнате начинает накаляться — ой, не нравится мне это...И папа вон насторожился весь...

- Поймите правильно, все-таки она мой ребенок. Я переживаю. Хочу залезть в ее жизнь максимально, как и полагается.

Я хочу было парировать, чтобы как-то сгладить возникшую неловкость и паузу, но Марс опережает.

- Аппелинский. Меня зовут Марс Александрович Аппелинский.

В этот момент, словно его имя — какое-то неведомое заклятие, все вокруг меняется. Из светлых тонов совершается резкий переход на темные, а воздух электризуется так, что аж трещит. Папа — строго, напряженно смотрит на Марса, тот отвечает ему тем же. Не к добру?! Да очевидно, что так! Черт возьми!

- Астрид, выйди.

Неожиданно. Я открываю было рот, но папа смотрит мне в глаза и строго повторяет.

- Выйди. Я хочу поговорить с Марсом Александровичем наедине.

Ловлю такое странное состояние...знаете...Будто ты можешь выбрать, можешь парировать, упереться, но пустое это — нет выбора вообще. Это не приглашение, не просьба — по факту приказ. Который не обсуждается. Нравится мне или нет? А выйти приходится.

Теперь я стою напротив палаты, только спокойствия, как у Марса — ноль. Кусаю ногти, глаз не отвожу, нервничаю, пока они беседуют. Марс занял кресло рядом с койкой, размеренно и спокойно о чем-то говорит — папа внимательно слушает. Потом роли меняются. И так еще целых двадцать минут, которые тянутся вечность. Господи! Да сколько можно!?

Но вот наконец Марс поднимается с кресла, а я не дожидаясь больше. Врываюсь в палату с безумным взглядом, от которого оба мужчины на миг застывают. Папа отмирает первым и более ярким — начинает смеяться в голос. Марс поддерживает через миг, но скорее спокойно. Размеренно. Только взгляд у него меняется: словно в нем больше тепла появилось. От него я краснею, само собой, но тут же взвиваюсь.

- Не смей смеяться! О чем вы тут языками чесали?! И почему выставил меня, а?!

- Требовательная...вся в мать.

- Это я уже заметил.

Вы только гляньте! Только друг друга взглядами испепеляли, а теперь точно добрые друзья! Какого хрена!

- Прекратите!

Топаю ногой от негодования, а потом надвигаюсь.

- Что это все значит?! О чем вы говорили?! Что...

- Астрид, пожалуйста...не кричи.

Папа устало поднимает руку, и я тут же осекаюсь. Черт. Вот дура! Глаза опускаю, руки сжимаю внизу живота, бормочу.

- Прости, я не хотела тебя...

- Знаю, дочка. Все хорошо. Мы со всем разобрались — и это главное, а теперь идите. У вас много дел, мне тоже отдохнуть надо...

Ну ладно...я все правда понимаю, поэтому отступаю, лишь оставляю на щеке нежный поцелуй, но если папа избежал моих вопросов — Марс-то никуда не денется! В конце-то концов...

- О чем вы говорили?

Спрашиваю тут же, пока мы идем по длинному, светлому коридору, он усмехается.

- Что смешного?!

- Твой отец хорошо тебя знает.

- Очевидно!

- Не всегда.

- Что это...не уходи от темы!
- Я не ухожу. Это неважно.
- Неважно?! Еще как важно! Что он сказал!
- Наш разговор не твоего ума дело.
- Не смей!...

Мы заходим в лифт, где, к моему большому сожалению, набита куча людей, поэтому пока разговор действительно откладывается. Ну или как? Почти. Я все равно ведь шиплю:

- Не смей разговаривать со мной так пренебрежительно, понял?! Я тебе не твои любовницы-модели, и такого отношения к себе не приемлю!

Очередной шок. Марс смотрит на меня с высоты своего роста, но все же коротко кивает и тихо отвечает.

- Прости.

Один плюстик в кармане. Я складываю руки на груди и гордо поднимаю подбородок в ожидании, когда мы, наконец, попадем на первый этаж, и я снова смогу продолжить экзекуцию, правда не успеваю. Препарирование откладывается по весьма четким причинам: когда мы выходим, Марс разворачивается на меня и серьезно говорит.

- Детали нашего разговора останутся между нами. Это мужское дело. Если кратко: он знает, кто я такой, знает мою семью и просил не подвергать тебя опасности.

- Откуда он знает?

- Твой отец — полицейский. Моя семья имеет не совсем чистую репутацию. Разве это не очевидно? Ты же сама в кур-

се всего.

- Не надо было тебе называть свою фамилию в таком случае... - мямлю, но на это получаю твердое.

- Нет. Я врать не привык.

- Ты же сам...

- Я просил не вываливать детали, потому что не был уверен в честности твоего отца. Все изменилось. Он, конечно, до сих пор не знает целой картины, но я доверил ему многое. Он доверил мне тебя.

- В смысле "доверил"?! Я что...сумка какая-то с ценностями или как?!

- Хватит передергивать каждое мое слово, - устало вздыхает и снова разворачивается, - Я не имел этого в виду. Пошли, у меня много дел еще.

Знаю, что не имел, просто зачем-то везде ищу подвохов...Но в целом его ответ мне нравится. Правда. Вообще, несмотря на все, что я о нем знаю и о чем догадываюсь, многое в Марсе мне импонирует. Например, его твердость. Его принципы. Не все, но многие. «Не врать» — как главный. Я почему-то не сомневаюсь в том, что врать он действительно не любит, да и не будет. Смысл? Ему это просто не нужно. И так вдруг хочется получше его узнать...

Пока мы едем обратно в офис, я наблюдаю за ним из-под опущенных ресниц, молчу. Что же он скрывает внутри своих глубин? Знаю — многое. Морозная пустошь — это всего лишь еще один вид стены, как способ выстроить загражде-

ние между собой и остальным миром. Но внутри...я верю, может быть и наивно, что душа у него все же есть.

- Когда мы наконец-то начнем? - вдруг спрашиваю и тем самым отвлекаю его от экрана телефона.

Глазами Марс дает мне понять: закрой рот. И я опасливо смотрю на водителя. Ох, черт...не подумала.

- Извини, - шепчу одними губами, на что в этот получаю уже мягкую улыбку и вдруг.

- Мы уже начали, малыш. Иди ко мне.

Первая моя реакция — шок. Вторая — шок. Третья и четвертая? Ага, именно он. Обожаю повторения, судя по всему, ведь сижу, глазами луплю с открытым ртом, как дура — Марс улыбается. Кажется, во взгляде его скрыто тихое: мы квиты. Месть? За все те разы, когда я ставила его в похожее положение? Вот...козел!

А это еще что. Гораздо неожиданней будет дальше, когда он вдруг откидывает телефон в ручку двери, а потом берет меня за бедра и притягивает к себе.

- Прекрати, я...

- Стесняешься водителя? Понимаю.

Марс нажимает на кнопку, которая тут же отгораживает нас от него толстым стеклом, потом смотрит в глаза. Так близко...у меня сердце колотится, словно бешеное, словно в него прямо укололи адреналином...Ох, боже...краснею, бледнею, что со мной? Я себя такой вот вообще не помню! Никогда перед мужчинами не пасовала, а он...как магнит.

Как буря. Ураган. Я чувствую такой дикий жар вдруг, что во рту пересыхает...

- Что вы делаете? - говорю, еле шевеля языком, а он, продолжая меня сжимать, только смотрит.

Отпусти! Ты...как смеешь руки распускать?! Убери! И держи дистанцию! Да! Именно ее!

Все это, конечно, происходит исключительно в моей голове. А так я и слова не могу выдать больше...

- Сегодня, - наконец говорит, я хмурюсь.

- Что?

О чем он?

Вообще, не помню, а вот его моя внезапная амнезия поселит.

- Начнем. Сегодня. Я освободил вечер.

- Хор...хорошо.

- Сейчас ты едешь домой.

- Хорошо...

- Подготовишься.

- Хорошо.

- Поспи и поешь.

- Ладно.

- Я буду дома в восемь.

Киваю только. Точно...совершенно точно, как под гипнозом. Его глаза меня затягивают. Пошевелиться страшно, но не потому что *страшно*, а потому что...слишком вдруг хорошо. Боюсь разрушить момент. Они ведь, знаете? Как тон-

кое стекло. Неловкое движение, рушатся неизбежно, а мне хорошо сейчас...В душе, где-то глубоко-глубоко...хорошо.

Машина плавно останавливается, и Марс отпускает меня, потом кивает на дверь, хрипло шепчет.

- Иди.

Иду. Как по башке шарахнутая перелезаю к двери, открываю ее и на негнущихся ногах выбираюсь из салона. Если это действительно была месть за все те разы, когда я ставила его в тупик — удалась на славу. Я в себя не могу прийти, когда его машина снова трогается, когда я разворачиваюсь к зданию, когда попадаю в пентхаус. Как в омуте барахтаюсь.

Что это было, черт возьми?!

А хрен его знает...

Как и обещал, Марс приезжает ровно в восемь. Еще одна хорошая, полезная черта характера: пунктуальность. Я же сильно нервничаю. Никогда раньше не накручивала себя перед сеансами, просто ведь было. Люди от меня редко могут что-то укрыть, а он...он первый.

Да и случившиеся в его машине...

Ох, нет. Об этом думать я не буду ни за что! Стоит только слегка коснуться воспоминаний о тех секундах в его руках, снова ловлю некий странный и тягучий ступор. Тело будто мне не принадлежит вовсе. Мурашки бьют. Ладони потеют. Я краснею. Неизбежно так, еще сильно до жути, словно пре-

вращаюсь в нежную-девочку-овечку. А я не такая.

Да-да! Я — смелая и отважная, сама кого хочешь в тупик поставлю, чем развлекаюсь, бывает, и очень часто. Но он... как чертово, жирно выделенное исключение из всех правил. Комета Галлея — не меньше.

Так что да. Я волнуюсь. Жду его в гостиной, круги намазываю вокруг дивана, представляю нашу встречу. Что будет? Как он отреагирует? Будет как-то вспоминать? Будет касаться этой темы или меня? Пожалуйста, да.

Но Марс и тут поступает, как истинное исключение. Он просто проходит в комнату быстро и стремительно, пишет по пути сообщение. Тоже быстро. Потом бросает на меня взгляд, кивает и тихо говорит:

- Я переоденусь и начнем.

Вот и все. Он уходит, я смотрю ему в спину, сжираемая обидой, как маленькой, но особо вредной и свирепой пираньей. Угмонить ее непросто. Я понимаю разумом, что в машине была лишь часть спектакля, хорошо отрепетированная сцена, и меня она не должна задевать! А цепляет... приходится напоминать себе ором в рупор, зачем я здесь на самом деле? Очнись, Астрид, твоя роль простая, и она никак не связана ни с чем, кроме помощи.

Да. Я здесь, чтобы помогать, а не усложнять и без того непростую ситуацию. И вроде вот получается в это поверить, но...когда Марс возвращается в комнату, сняв с себя все слои официоза, меня снова подкидывает.

Выглядит потрясающе.

Я не могу не отметить, что он — красивый мужчина. Высокий, крепкий, глаза глубокие, взгляд твердый, вечный его спутник — сексуальный костюм тройка, но сейчас он кажется мне гораздо привлекательнее. Дело в том, что именно в этот момент я вижу в нем не небожителя, а обычного человека, который умеет и может испытывать чувства. Например, волнение. Да-а-а...Марс волнуется.

Мнет руки, не знает, куда деть взгляд, да и себя в целом, и это до одури мило, вызывает во мне мягкую улыбку.

- Вы волнуетесь? - тихо спрашиваю, он почти цыкает и отплевывается, но вовремя сдерживает свои порывы, подходит к дивану.

- Давай начнем.

Хотя, в принципе, это тоже можно трактовать, как своеобразный ответ: нервничает. Я больше не акцентирую на этом внимание, подхожу и присаживаюсь напротив, спрашиваю.

- Кого мы будем искать сегодня?

Я даю ему выбор осознанно, пусть и знаю, что больше всего он хочет найти свою Землю.

- Лену. Четвертую жену.

Удивлена. Смотрю на него пару мгновений, но Марс настроен серьезно: понимает, чего я жду, но давать? Нет. Не будет. Это, в свою очередь, понимаю я. Возможно, боится? Не готов? Ладно. Мне в принципе что? Настаивать не буду, киваю.

- Хорошо.

Так я снова оказываюсь в уже привычном, морозном пространстве. Сегодня, правда, здесь все иначе. Нет ветра, только сухой, кусачий лед, а уже все равно не такой агрессивный, как раньше. Хорошо. Это можно считать подвижкой.

Осматриваюсь. В прошлый раз я видела огонек, уверена в этом на сто процентов! В этот раз тоже должна его увидеть. И...вон он! Ох, боже! Я готова разрыдаться от счастья! Наконец-то хоть что-то!

Правда...рано я радовалась. Сколько бы ни шла, ближе подобраться не получается. Бегу — он удаляется. Решаю не пугать и крадусь — стоит недолго на месте, и снова вжик! и за километр!

- *Да чтоб тебя!* - злюсь не на шутку и топаю ногой, - *Зачем ты играешь со мной?! Я же здесь, чтобы помочь!*

- *Будь ближе...* - вдруг шепчет снег, и я оборачиваюсь.

Вокруг — ничего, но голос мягкий, как будто отдаленно знакомый, повторяет:

- *Ближе будь...*

- *А я не пытаюсь?! Его огонек от меня бежит!*

- *Чтобы к нему стать ближе, будь ближе к нему.*

Загадки, блин?! Тавтология?! Ты серьезно?!

- *Ты знаешь ответ...*

Голос растворяется в мягком ветерке по снегу, что подкидывает пушистые хлопья и уносит в сторону горизонта, а я снова остаюсь одна. Здесь красиво. Правда. Ровная, чистая

гладь, луч красного солнца играет на блесках снега — нигде ничего нет, одна бескрайняя вечность.

Вдыхаю запах, пахнет зимой. Я люблю зиму, если честно: и длинные ночи, и иней на окнах. Особенно люблю тепло. Мне всегда казалось, что зимой и люди *тепле*становятся. Теснее как будто...

Точно! Теснее!

Резко распахиваю глаза. Марс смотрит на меня странно, но быстро моргает и подается вперед.

- Что-то слышала?

- Почти.

Ох, неужели я собираюсь это сделать? Но да. Собираюсь.

Подняться с дивана впервые в жизни мне дико сложно, потому что страшно. Я почему-то вдруг снова смущаюсь, глупею по щелчку пальцев, становлюсь образцом человека с грацией картошки, спотыкаясь о столик.

- Черт...

- Больно?

- Нет-нет...все...нормально.

Присаживаюсь рядом.

- В общем...эм...мне кое-что сделать надо.

- Та-ак...

- Не сочти за наглость и всякое такое...

- Астрид, я уже давно счел почти все твои слова и поступки наглостью. Поздновато спохватилась.

Смотрю на него зло, всем видом транслирую: заткнись!

Это его, конечно же, смешит. Марс откидывается на спинку дивана и пару раз кивает, мол, понял, а хрен там! Вон глаза как искрят, отражая от себя всполохи огня из камина.

- Мне нужна твоя рука.

- Ты же говорила, что обычно тебе...

- *Обычно*да, но сейчас так! - ершусь моментально, потом требую - Давай руку!

Черт, да просто дай ее! Я же не стала докапываться, когда ты нервничал, ответь мне тем же!

И он отвечает. Сдерживая смех, передает раскрытую ладонь с четко выраженными венами в мои владения, а я изо всех сил стараюсь скрыть, когда меня бьет током. Клянусь, ударило, прошибло прям! Стоило нашей кожи соприкоснуться — шарах, и получай фашист гранату! Мурашки по телу бегут, кожа становится гусиной, а я себя проклиная за дурость: надо было надеть штаны подлиннее, блин! Он же все видит...

Неловко так...

Единственное благо — никаких комментариев, за что огромное спасибо с поклоном.

Я откашливаюсь, разглядываю его кожу, линии на ладонях, провожу по ним кончиками пальцев. Это чтобы контакт поймать, только за этим! Не потому что мне нравится, еще чего! Только для дела!

- Готов? - зачем-то спрашиваю, он кивает.

Вижу это исключительно боковым зрением, ведь посмот-

реть в его глаза сейчас смерти подобно. Ни за что! Не хватает мне еще глупостей в копилку...

- Да...

Только вот его голос все решает за меня: стоит хрипотце нарушить тишину, я словно в чан с огнем попадаю. Он не жжет меня, ласкает, проходится по всему телу — ох, черт...

Я невольно закрываю глаза, таю, а когда снова их распахиваю, уже не в гостиной. Где-то далеко-далеко и давно...

- Марс, я ничего не боюсь...

Слышу женский голос откуда-то справа, где солнце решило, кажется, утопить все пространство своими лучами, делаю шаг.

- Лен, зато я боюсь.

Голос мягкий. Марсу принадлежит...

Чего? Чего же ты боишься?...

Глава 8. Четвертая жена

Я вхожу в большую, мягкую комнату, залитую до предела таким же мягким светом. Марса вижу сразу. Его внушительная фигура, повернутая ко мне спиной, как центр Вселенной. Он держит за руку девушку намного меньше себя.

Она красивая.

Внезапно с досадой я отмечаю это, хмурюсь и злюсь тут же на себя. Что за глупости? Какие-то странные порывы, они сейчас лишние. Их надо отбросить в сторону срочно, что я и делаю, концентрируясь на ее лице. Огромные, светлые глаза, круглое, миловидное личико с прямым носиком и пухлыми губами. Мягкая. Как все вокруг, она — мягкая. Я сразу это отмечаю и невольно улыбаюсь, мне не хочется убить ее, как Мару, потому что она — другая. Энергия похожая на облачко. Здесь поэтому так светло, нет никакой тьмы и грязи — только вечный свет.

- Лен, зато я боюсь.

Марс говорит так нежно, даже удивительно. Не знала, что он так умеет. Мне дико хочется посмотреть на его глаза в этот момент, и я делаю аккуратный шаг в сторону пары, но тут же замираю: девушка поворачивает на меня голову.

Ох, черт. Спалилась.

Неловко сжимаю руки внизу живота, прикусываю губу, но она точно меня видит — улыбается вон открыто. И я шеп-

чу...

- Прости, что вторглась...

- Ничего, я ждала тебя.

Неожиданно.

- Правда?

- Мы присматриваем за Марсом.

- Мы?

На этот вопрос она только улыбается, да и не нужен здесь ответ. Риторический, так сказать, я это понимаю: все его жены, вот кто.

- Прогуляемся? - вдруг спрашивает Лена и встает с дивана, - Поговорим. Мне интересно с тобой познакомиться поближе...

- Да... - немного удивленно, но киваю, - Конечно.

А уходить так не хочется...Марс все так же сидит ко мне спиной, и я смотрю только на него. Больше всего на свете меня тянет ведь обойти диван и заглянуть в его глаза, чтобы увидеть, какими они могут быть, когда наполнены до краев нежностью. Зачем нужно? Не знаю, но душа так и рвется.

Лена за это время успевает обойти меня и коснуться ручки стеклянной, балконной двери, а я так и стою...очухиваюсь, только ощутив ее взгляд на себе, поэтому оборачиваюсь и тут же заливаюсь краской.

- Прости, я...

- Ничего. Тебе любопытно, но здесь ответов на твои вопросы ты не найдешь.

- А ты знаешь зачем я здесь?

- Знаю, но сейчас я о внутренних вопросах. Не увидишь того, что хочешь.

- По... чему?

- Потому что. Пойдем.

Круто. Нет, правда, спасибо за такой объемный ответ, блин! Надеюсь, что остальные не будут такими же дурачками и высоко философскими?!

Злюсь ли? Еще как! Но иду следом. Все-таки дело-то не в моих загонах, я здесь не для того, чтобы утолять собственное любопытство, и мне об этом забывать никак нельзя.

- Здесь так красиво...

Оценить я не могу. Стоит мне переступить порог, как в глаза ударяет еще более яркий свет, и я жмурюсь, даже руками закрываю глаза, а потом слышу звонкий смех.

- Ох, прости. Ярко, да?

- Надеюсь, что ты не планируешь меня убить? Как Мара?

- Ой, что ты... - отмахивается, - Открывай глаза.

Ну что ж... ладно? Я неуверенно, но подчиняюсь, чтобы в следующий миг замереть. Мы стоим на берегу черного пляжа, прямо как на шикарных картинках из разных групп, где публикуют самые невероятные пейзажи. И он правда невероятен... Мне неизвестно, конечно, такой ли в жизни? Может что-то искажает восприятие? Ну и плевать. Это прекрасное место...

- Мы в Исландии, - тихо говорит Лена, улыбаясь мне теп-

ло, - А это гора Вестраhorn.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, она добавляет.

- Кстати, да. Он такой же, как в жизни. Я здесь счастлива была, здесь и жду своего часа.

- Своего часа? - переспрашиваю снова аккуратно, боюсь, что опять меня проигнорирует, но девушка только в глаза смотрит нежно.

- Того момента, когда я смогу уйти.

- Почему ты не можешь?

- Потому что еще не время. Не все мои земные дела закончены.

Она про Марса.

Я догадываюсь сама без пояснительной бригады, так сказать, и в ответ получаю короткий кивок. Потом Лена делает на меня шаг — это, если честно, здорово напрягает, и я замираю. Ее смешу. Снова звонко так, тепло, без агрессии, поэтому, кажется, я и расслабляюсь. Нет, точно, поэтому. Пока она обходит меня по кругу, даже начинаю «верить в себя», то есть не прятать своего раздражения.

- Что ты делаешь?!

- Рассматриваю тебя, конечно же!

- Зачем?!

- Интересно.

- А ты мастер отвечать на поставленные вопросы!

Снова хохочет, но, наконец, останавливается напротив и улыбается во все тридцать два зуба.

- Ты прямо как Марс...Его всегда бесило, что я «юлю».

- Говоришь о нем так, будто давно знаешь...

- А он не рассказывал?

- Я просила этого не делать.

- Почему? - с любопытством подается вперед, жму плечами.

- Лишняя информация искажает восприятие.

- Ооо...поняла. Не хочешь портить впечатление своим отношением? Профессионально. Я тоже так всегда считала.

- Кем ты была?

- В профессиональном плане или для него?

- Во всех.

- Я — морской биолог, а для него...- Лена слегка вздыхает и поворачивается в сторону бушующего прибоя, - Знаешь...ближе к сестре.

- Но...

- Мы были женаты, я знаю.

- И...

- Как? Да вот как-то так получилось...

Лена хитро смотрит на меня и жмет плечами.

- Вообще я была влюблена в его старшего брата, потом в его врага, который стал другом, но там ничего не получилось. Первый не видел меня, а видел ребенка, второй не видел, потому что был влюблен.

- А Марс?

- Когда мы встретились снова, Марс не видел ничего, по-

тому что жил во тьме.

Ее голос теряет веселость, да и глаза она тупит на песок, в который закапывает босые ступни. Хмурится. Я молчу. Правда не знаю, с какой стороны подступиться? Я растеряна как-то внезапно...так растеряна...но может и не надо «юлить»? Может, иногда «просто» — это правильно?

- Он хочет знать, что с вами произошло, - тихо говорю, Лена пару раз кивает.

- Я знаю. Это не дает ему покоя, и не только из-за душевных ран. Он хочет семью, хочет детей, а не может. Ему не дают.

- Ты знаешь кто?

Лена поднимает на меня полные печали глаза, поджигает на миг губы, а потом вдруг начинает тараторить.

- Когда мы встретились с ним, это было темное время. Для нас обоих. Он был разбит, а я узнала, что у меня серьезный диагноз. Рак. Я сначала ему не говорила, мне было страшно одной остаться, а потом...сказала. Призналась. Он не оставил меня. Мы ездили на лечение вместе, Марс держал меня за руку каждую секунду — я за это ему бесконечно буду благодарна. Ты гадаешь, есть ли у него душа? Есть, Астрид. Ты ее чувствуешь. Будь ближе к нему, чтобы ощущать ее жар чаще.

- Я не...

- Мы поженились, потому что я этого хотела. Очень. Знаешь...с детства мечтала примерить фату и белое платье, и

так страшно было, что этого может не произойти... Он не хотел. Марс боялся, что проклят, я его уговорила. Уверенно двигалась к ремиссии, да и не верила я ни в какое проклятие! Чушь! Бред! И...

Лена вдруг осекается, застывает, как кукла, что, если честно, достаточно пугает, но я отбрасываю глупости в сторону. Делаю на нее шаг и тихо переспрашиваю:

- Лена, ты знаешь, кто это делает с ним?

Еще пара мгновений молчания, которые тянутся точно вечность, но наконец девушка приходит в себя, пару раз моргает и смотрит на меня. Кивает.

- Скажи мне!

Господи, неужели?! Я так рада! Она знает ответ! Знает! Но...

- Я не могу.

Все тут же ухает куда-то в пятки, и я перестаю улыбаться. Хмурюсь, злюсь даже! Рычу!

- В смысле?!

- Это его путь, Астрид. Все произойдет в нужное время и нужный час.

- Ты...блин! Ты прикалываешься что ли?!

- Прости. Все, что я могу — показать тебе свои воспоминания.

- Но...

- НО...предупреждаю. Они не из приятных.

Осекаюсь теперь я, когда как она щелкает пальцами, и

прямо на воде появляется огромная, красная дверь. Опасная. Красный это вообще цвет опасности, бежать надо от него, как можно дальше, но я смотрю. Не двигаюсь и тупо пялюсь, пока ладошки мои потеют.

- Тебе решать, - шепчет Лена, - Он не обидится на тебя, если ты скажешь, что испугалась смотреть. Правда. Марс не такой. Он заставлять не будет, поймет.

- Я должна. Он папе моему помогает...

- Он все равно будет.

- Я должна! - с нажимом повторяю и поворачиваю в сторону двери, - Я дала слово.

На самом деле, я знаю, что могу повернуть назад. Откуда? Это покрыто тайной, но уверенность плотная, фактически осязаемая. Она бьется где-то в груди рядом с сердцем, как настоящий, живой орган: Марс поймет.

Несмотря на это иду. Как бы ни было страшно, иду уверенно и твердо, замираю, лишь когда стою по щиколотку в воде и держусь за холодную ручку. Чувствую смерть. Там за деревянным полотном, она прячется...

- Астрид? - зовет меня тихо, я оборачиваюсь.

Лена стоит прямо за моей спиной.

- Если тебе страшно совсем станет, позови меня. Я заберу. Верну тебя обратно.

- Хорошо...

- И...еще кое-что...можно?

Слабо киваю.

- Можешь передать это моей любимой Боне?

Лена протягивает мне ярко-желтое яблочко, которое я принимаю, конечно, но нихрена не понимаю.

- Что это?

- Яблочко, глупая...

Хихикает, вы посмотрите только.

- А Боня — это...

- Попроси Марса показать. Уверена, что будешь в восторге. И хорошо. Ей нужен кто-то вроде тебя. А так...одиноко слишком.

Странно. Видимо, мертвые обожают загадки, но разгадывать их сейчас, у меня настроения абсолютно точно нет. Да и сил. Все они потрачены на то, чтобы открыть эту чертову дверь...

Фух. Давай. Ну же! Давай! Помни, это происходит не с тобой...

И я открываю, обещая себе помнить...

Пи-пи-пи...

Первое, что я слышу.

Острый запах лекарств — второе. Я их сразу узнаю, как сразу и понимаю, что нахожусь в больнице. Давящая энергетика...от нее не скрыться. Тут и стены ей перемазаны, пол, а воздух прямо искрит. Но я не могу открыть глаз...

Господи, какая слабость...

Дышу еле-еле. Так больно...меня будто разрезали на ча-

сти, перевернули все внутренности...как же это больно. Слезы катятся по щекам, дрожь берет, я хочу кричать, но не получается.

А потом чувствую что-то инородное.

Запах.

Это запах! Какой-то до боли знакомый, острый, как иголка...и намерения. Владелец этого запаха хочет меня убить.

Так страшно. Меня парализует ужас, и я бьюсь внутри собственного тела, а ничего сделать не могу. Скована. По рукам. По ногам. По каждой своей молекуле. Они ведь вроде и мои, да? Только это теория. Практика орет: не твои. Все не твое. И тело твое уже тоже не твое! Забудь, что когда-то им управляла...

Это болезнь. Она надо мной насмехается, нависает, и человек нависает сверху. Он обдает меня этим ужасным запахом, как окатывает водой из ведра — черт бы тебя побрал! Давай, твою мать! Открой глаза!

И я открываю. Медленно, слабо, но открываю! Это внезапно забирает все мои силы, да только без толку — ничего не вижу. Только трубку собственной капельницы и длинную иглу...

Резко выдыхаю, падая в бурную воду. Меня все еще трясет, я все еще не чувствую собственных рук, правда, на миг. Дальше поднимаю их и плачу: могу! Я могу это сделать!

Но... стоп... почему?!

- Ты же должна была меня позвать! - слышу Лену.

Она злится. Небо над пляжем стянули угрожающие тучи.

Ага, поняла. Они отражают ее настроение, но...

- Какого хрена?! - хриплю, - Зачем ты вмешалась?! Я же могла увидеть!

- Не могла бы!

Раскат грома.

Лена зло сжимает кулаки и смотрит на меня сурово.

- Это мои воспоминания, а я не видела!

- Но...

- Что?! Смелая такая?! Хочешь пройти через смерть?! Рано тебе! Не стремись туда! Здесь делать нечего! Тебе нечего!

- Отправь меня обратно! - уверенно поднимаюсь, - Отправь! Я могу увидеть, ты же...

- Поздно... - вдруг говорит она, а небо начинает светлеть, - Он тебя забирает.

- Что?! Кто?! Что это значит?!

- Марс. Сейчас он тебя вернет, раз сама отказываешься.

И правильно. Тебе пора.

Права, чертовка. Я чувствую, как меня тянет куда-то изнутри. Не могу этому сопротивляться, как не стараюсь уцепиться — не могу. Лена же улыбается и шепчет...

- Не забудь про Боню, ладно? Пожалуйста...

- Тебя убили?! - молчит, тогда я ору сквозь внезапно поднятый ветер, - ОТВЕТЬ! ТЕБЯ УБИЛИ, ДА?!

И прежде чем окончательно потерять связь, я вижу, как она кивает и одними губами говорит:

- Да.

А в следующий миг я растворяюсь.

Чтобы резко открыть глаза в реальной жизни.

Сначала ничего не понимаю. Кашляю только да за что-то твердое и горячее цепляюсь. В ушах звенит, фокус теряется, а еще меня трясет...

Стоп. Нет. Не меня саму, а меня физически.

- Астрид, ты меня слышишь?!

Слышу.

Марс нависает надо мной сверху, сжимая твердыми руками мои предплечья. Весь хмурый. Злой? Нет. Взмолвленный. Смотрит на меня тревожно, прямо, строго даже по щеке... гладит? Ох, боже. Я сразу краснею, как дурочка, луплю глазами. Поза неоднозначная и неожиданная, мягко говоря, а его будто ничего не смущает вообще!

- Астрид, ты...

- Я слышу, - слабо отвечаю, хмурюсь, - Почему мы... лежим?

Он тихо усмехается. И нет бы встать! Продолжает нависать, продолжает гладить, продолжает смотреть...

- Ты лежишь.

- Спасибо, капитан очевидность!

Ершусь, конечно, но больше из-за смущения, а потом пытаюсь встать. Марс мне и в этом помогает. Аккуратно так, ка-

сается еле-еле спины, придерживает, как младенца — нежный. Черт. Мне не нравится это, поэтому я продолжаю ершиться дальше.

- Ты меня выдернул! - зло предъявляю, но в ответ получаю тихо и почти ласковое.

- Ты плакала. Я испугался, что снова будет, как в тот раз.

Ну все. Я поднимаю руки и сдаюсь на милость этому глубокому взгляду и его мягкости. Смотрю ведь в глаза так, будто никогда в жизни не смогу оторваться, а больше всего мне знаете, чего хочется?! За руку его взять. Показать, что не один, что я рядом — какая дурость...

Вздыхаю и все-таки отрываюсь от него, смущенно уставившись в пол, шепчу.

- Прости, что так резко.

- Ничего.

Чувствую, что он дико хочет спросить, да и кто бы ни хотел? Но сдерживается. Да чтоб тебя! Снова проявляет свое «джентльменство», ну вот зачем?! Мне так слишком нравится, а не должно! И дабы свернуть с тропы этих странных переживаний, я шепчу.

- Кто такая Боня?

- Что?

- Боня. Кто это? - Марс молчит, тогда я смотрю ему в глаза и прошу еще тише, - Я хочу увидеть ее. Сейчас. Можно?

Вижу, как удивлен, да и ожидаю дальше, что пошлет меня на все четыре стороны, но...нет. Марс медлит еще пару

мгновений, но потом кивает как-то совсем слабо и встает.
Руку мне протягивает...

- Сейчас так сейчас.

К загадочной «Боне» мы едем долго. Сначала по ночной Москве, потом и по темному Подмоскovie. Куда? Я не спрашиваю. Просто смотрю перед собой, потом на леса вокруг и даже благодарна, что есть у меня время. О многом нужно подумать.

И об услышанном, и о том, что я почувствовала.

Мне все еще страшно, если честно. Я никогда так глубоко не подходила к смерти, а сейчас чувствую ее дыхание в затылок — это дико. Другого слова просто нет! Дико! Ужасно. Сейчас, когда я здесь, в ряду живых, даже расцеловать Лену готова за то, что она выдернула меня и не позволила идти на поводу собственного характера, упёртость и амбиций. Не хочу я увидеть так много, не готова отодвинуть завесу этого мира настолько сильно — никогда не буду готова! Разве что потом... через много-много лет...

- Мы приехали.

Марс вырывает меня из мыслей, а когда я поднимаю глаза, хочется спросить: куда?!

Это ведь поле! Чертово поле и все.

- Эм...

- Пошли.

Ну, пошли. А что еще-то ответить, сама ведь настаивала!

Идем снова в тишине при этом на улице до странное тепло, хотя и не должно быть. Нет, наверно, все дело в куртке, в которую Марс меня укутал? В высоких сапогах? Да. Наверно это так...

Соглашаюсь вроде с разумом, но сама оборачиваюсь назад, чтобы проверить, потому что, клянусь, на меня будто кто-то смотрит из темноты.

- Астрид? - зовет меня тихо, я снова смотрю на него.

Марс взволнован, стоит у дверей какого-то огромного амбара, а на кончике языка уже зреет вопрос из серии: все нормально?!

Не надо. Не задавай мне таких сложных вопросов.

- Что это за место? - вместо того спрашиваю, он слегка улыбается.

- Ты же хотела увидеть Боню. Она здесь.

В этот момент, будто почувствовав присутствие, из-за дверей доносится громкой, раскатистое ржание, а я расширяю глаза.

- О боже! Это что...коняшка?!

Только вот Марс успевает лишь издать смешок, я ведь подпрыгиваю на месте, хлопаю в ладоши и несусь вперед, чтобы через миг снова словить ступор.

- Ва-а-ау...

Это не просто «коняшка». Она — совершенство.

Я не побоюсь этого слова, черт возьми! В огромном вольтере стоит живое доказательство того, что природа не де-

дает ошибок.

Невероятная, потрясающая, черная лошадь. Статная. С длинной, волнистой гривой и блестящей, подчеркивающей каждый изгиб тела, шерстью. Она бежит по кругу, точнее бегала. Следы глубокие, сильные, но сейчас — все ее внимание мое. Смотрит будто точно в душу, а я как под гипнозом. Делаю неловкий шаг, затем еще один и еще, пока не останавливаюсь точно напротив.

- Какая ты красивая... - шепчу, она вдруг мотает головой и ржет.

Это пугает. Я тут же отступаю и боязно смотрю на Марса.

- Ой! Я сделала что-то не так, да?

Он лишь слегка мотает головой, не сводя с меня взгляда, шепчет...

- Разве хоть кому-то из женщин не нравятся комплименты?

- Очень смешно, - цыкаю, но обращаюсь к Боне, - Твой хозяин та еще задница, да?

- Я не ее хозяин.

Вот теперь в голосе улавливаю горечь, поэтому обращаюсь к Марсу, а тот подходит ближе, чтобы внезапно взять меня за руку.

- Не бойся, - предупреждая реакцию говорит, - Она любит, чтобы ее касались.

Звучит интимно, но куда более интимно то, что я и не собиралась забирать свою руку: мне, как оказалось, тоже нра-

вится, чтобы меня касались... Он. Точнее, он.

Черт...

Краснею, как дура, быстро отвожу взгляд и приковываю его к лошади, а Марс шепчет почти мне на ухо, встав за спиной.

- Когда Лена ее увидела, тут же влюбилась. Боня безумно красивая, но характер спесивый у нее, так что прошлый хозяин был рад избавиться.

Вздрагиваю, когда Марс надавливает на мои пальцы и проводит ладонью по морде этого потрясающего создания.

Снова. Черт-черт-черт! Да что со мной происходит?! Чтобы собственное смятение скрыть, я шепчу.

- Правда? Почему?

- Ей бы в выставках участвовать, да только не дается. Ни кому.

- И тебе?

- Мне чаще остальных, но и я ее покорить до конца так и не смог. Да и нет у меня такой цели: некоторые должны быть свободны, даже если они кому-то принадлежат.

Невольно поднимаю на него глаза, Марс смотрит точно на меня.

Бо-о-оже...

За такое количество упоминаний Всевышнего и Всенижнего меня, пожалуй, должна поразить молния, а поражает другое: он. Неожиданно, так внезапно, но... мурашки окатывают с головы до ног, тело сковывает дрожью, и я снова те-

ряюсь, но на этот раз от чего-то... незнакомого. Со мной ведь и правда такое впервые: чтобы вот так реагировать на мужчину? Не в моем характере, но, блин...

- Хочешь ее покормить?

Спасибо, что спросил! Серьезно! Потому что, клянусь, еще миг, и я бы подалась вперед, чтобы его поцеловать. На этот раз сама. На этот раз по собственному выбору, в котором никогда не призналась бы даже себе.

А так что? Только киваю.

Марс тихонько усмехается и отходит от меня на шаг, а через миг возвращается с большой корзиной яблок.

- Бери, клади на ладонь и поднеси к ней.

Простая инструкция. Хорошо. С этим я справлюсь.

Смотрю на гору фруктов, выбираю. Взгляд сразу цепляется за единственное желтое яблоко, которое лежит сбоку, и которое до боли напоминает мне то самое, что дала Лена. Вроде и неприглядное, но что-то мне подсказывает: именно его Боня и хочет больше всего.

Так что я беру, а потом внезапно слышу тихое-тихое...

- Не верю...

Поднимаю глаза недоуменно, Марс же как молнией ударенный. Делает шаг назад, сглатывает плотный ком, а сам только на яблоко и смотрит.

- Марс, что-то...

- Не верю... - повторяет громче, правда, также хрипло, - Ты... ты и правда видишь...

Вот это новости, блин. Серьезно?! Ты только сейчас это понял?!

Глава 9. О прощании и прощении

Пару раз моргаю. И снова. И еще немного.

Нет, он ведь серьезно это сказал! Серьезно, как никогда! Вон как смотрит...и мне хочется спросить его: ты придурок?! Затеял все это, хотя сам не веришь?! Козел!

Но я ограничиваюсь только тихим смешком, отвожу взгляд, а потом вдруг слышу другой, уже знакомый, звонкий-смех.

- Хочешь его ударить?

Резко оборачиваюсь. Рядом стоит Лена, которая не без удовольствия наблюдает за тем, как разворачивается наша «драма». Губу прикусила, глаза искрятся, наслаждается короче...

- Очень смешно, - буркаю, Марс тут же делает на меня шаг.

- Что ты сказала?

- Я не тебе.

Отрезаю. Не хочу я с ним разговаривать! Его прошлая реплика неожиданно обидела до глубины души, и все. Я закрылась.

Знаете, когда он пришел ко мне, среди прочих чувств выделялось ярко лично для меня следующее: в мои силы верят. А теперь вон оно как...притворялся, значит? Врал?

Нет, я давно привыкла, что на меня косо смотрят, правда.

Мне все равно. Тогда почему глаза на мокром месте сейчас?
Почему меня так внезапно ранил именно его скептицизм?
Ну почему...

- Не переживай, - мягко говорит Лена, - Он не то что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.